

Магия Средневековья

Виктор Ридберг

The Magic of the Middle Ages

Viktor Rydberg

The Project Gutenberg eBook of The Magic of the Middle Ages.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Магия Средневековья

Автор: Виктор Ридберг

Переводчик: Август Хьялмар Эдгрен

Дата выхода: 4 мая 2012 [eBook #39608]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных Интернет-архивом/Американскими Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE MAGIC OF THE MIDDLE AGES ***

Магия Средневековья

АВТОР: ВИКТОР РИДБЕРГ

Перевод со шведского АВГУСТА ХЯЛЬМАРА ЭДГРЕНА

НЬЮ-ЙОРК
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
1879

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА.
I. Космическая философия средневековья и ее историческое развитие	1
II. Магия церкви	56
III. Магия учености	95
IV. Магия народа и борьба церкви с ней	158

I.

КОСМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

В средние века в Европе существовало убеждение, что наш земной шар является центром Вселенной.

Земля, сама по себе неподвижная и неизменная, была окружена десятью небесами, последовательно сменяющими друг друга, и все они, кроме самого высокого, находились в постоянном вращении вокруг своего центра.

Это самое высокое и неподвижное небо, охватывающее все остальные и являющееся границей между сотворенными вещами и пустотой, бесконечным пространством за их пределами, - Эмпирей, огненное небо, названное философами-платониками также миром архетипов. Здесь "в свете, в который никто не может войти", Бог в триедином величии восседает на своем троне, а тона гармонии девяти вращающихся небес под ним восходят к нему, как гимн славы вселенной своему Творцу.

Следующим по порядку под Эмпиреем идет небо кристалла, или сфера *первого подвижного* (*primum mobile*). Под ним вращается небо неподвижных звезд, которые, образованные из самых тонких элементов во вселенной, лишены веса. Если представить, что ангел спустится с этого неба прямо на землю - в центр, где собраны самые грубые частицы творения, - то он

все равно провалится сквозь семь сводчатых пространств, образующих планетарный мир. В первом из этих оставшихся небес находится планета Сатурн, во втором - Юпитер, в третьем - Марс; к четвертому и среднему небу принадлежит Солнце, царица планет, а в остальных трех - пути Венеры, Меркурия и, наконец, Луны, измеряющей время своим убывающим и увеличивающимся диском. Под этим небом Луны находится атмосфера, окутывающая землю, и сама земля с ее сушей и морями.

В структуре Вселенной есть четыре первоэлемента: огонь, воздух, вода и земля. Каждая вещь, существующая в материальном мире, является своеобразным соединением этих элементов и обладает собственной энергией; но сама по себе материя лишена качества и силы. Вся сила духовна, она исходит из духовного источника - от Бога - и передается земле и небесам над землей и всем вещам в них духовными агентами, личными, но бестелесными. Эти существа наполняют Вселенную. Даже первоэлементы получают от них свою энергию. Их называют интеллектуалами или ангелами; и *primum mobile*, и небо неподвижных звезд находятся в движении благодаря им. Планеты управляются ангелами по своим орбитам. "Вся энергия растений, металлов, камней и всех других предметов исходит от тех разумных существ, которых Бог назначил быть хранителями и руководителями своих творений"[1]. "Бог, как источник и конец всякой силы, налагает печать идей на своих духов-служителей, которые, верно исполняя его божественную волю, накладывают печать жизненной энергии на все вещи, переданные на их попечение"[2].

Неизбежная причинность не признается. Каждая вещь порождена волей Бога и поддерживается ею. Законы природы - не что иное, как предписания, в соответствии с которыми ангелы исполняют свои обязанности. Они повинуются из любви и страха; но если бы они в неподатливом духе преступили данные заповеди или прекратили свою деятельность, что они в силах сделать, то порядок природы изменился бы, и великий механизм вселенной распался бы, если бы Бог не счел нужным вмешаться. "Иногда Бог приостанавливает их деятельность и сам является непосредственным действующим лицом повсюду; или же он дает необычные повеления своим ангелам, и тогда их действия называются чудесами"[3].

Знание о природе вещей, следовательно, в основном является знанием об ангелах. Их бесчисленное множество образует девять хоров или орденов, разделенных на три иерархии, соответствующие трем мирам: эмпирическому, вращающемуся небесному и земному. Порядки серафимов, херувимов и престолов, составляющие первую иерархию, находятся ближе всего к Богу. Они окружают Его престол, как вереница служителей, радуются свету Его лика, ощущают обильное вдохновение Его мудрости, любви и силы и воспевают вечные хвалы Его славе. Порядок Престолов, самый низкий в этой эмпирической иерархии, возвещает волю Божью средней иерархии, которой передано управление подвижными небесами. Таким образом, порядок Доминиона получает повеления Бога; порядок Власти, который направляет звезды и планеты по их орбитам и приводит в движение все другие небесные явления, приводит их в исполнение, в то время как третий порядок Империи отгораживается от всего, что может помешать их исполнению. Третья и самая низкая иерархия, включающая в себя ордена княжеств, архангелов и ангелов, имеет верховенство над земными вещами. Князья, как следует из названия, являются духами-хранителями наций и королевств; Архангелы защищают религию и несут молитвы святых к престолу Божьему; Ангелы, наконец, заботятся о каждом смертном и придают животным, растениям, камням и металлам их особую природу. Вместе эти иерархии и порядки образуют непрерывную цепь переплетающихся действий, и таким образом структура вселенной напоминает лестницу Иакова, по которой

"Небесные силы, восходя и нисходя,
Их золотые ковши непрерывно сменяют друг друга".

Все земные вещи являются образами небесных; а все небесные имеют свои архетипы в Эмпирее. Вещи на земле состоят из самой грубой материи; вещи в окружающих небесах - из более тонкой субстанции, доступной влиянию интеллектов. Архетипы нематериальны; и как таковые они могут без сопротивления наполняться духовными силами и отдавать их изобилие своим соответствующим изображениям в мирах звезд и планет. А те, в свою очередь, через свои лучи посылают изобилие своей силы тем объектам на земле, которыми они представлены. Следовательно, каждая вещь на земле находится не только под руководством своего собственного ангела, но и под влиянием звезд, планет и архетипов. Вселенная - это огромная лира, струны которой, где бы их ни ударили, обязательно вибрируют по всей своей длине.

Именно для человека Бог по своей воле вызвал из ничего четыре элемента, и именно для него он за шесть дней сотворил из этих элементов эту чудесную Землю. Человек - венец творения, его шедевр, а в узких рамках своей природы - воплощение всего сущего, микрокосм и образ самого верховного Бога.

Но поскольку человек, будучи микрокосмом, должен приобщаться и к самой грубой материи, место его обитания не может находиться в Эмпирее, а должно быть определено на земле. Чтобы она была достойна принять его, ее украсили всей райской красотой, и ангелы с восторгом взирали с небес на ее долины и горы, озера и рощи, которые в меняющихся светах и тенях сияли то пурпуром утра, то золотом солнца, то серебром луны. И это место обитания символически объясняет самим своим положением судьбу человека и его место в Царстве Божьем; ведь где бы он ни странствовал, зенит все равно задерживается над его головой, и все вращающиеся небеса имеют своим центром его жилище. Танец звезд - лишь праздник в честь него, солнце и луна существуют лишь для того, чтобы освещать его путь и наполнять его сердце радостью.

Первые люди жили в этом раю в состоянии наивысшего счастья. Их воля не была испорчена, их понимание было наполнено непосредственным светом интуиции. Часто, когда ангел солнца опускался своим сверкающим шаром к горизонту и "день становился прохладным", сам Бог спускался из своего Эмпирея, чтобы побродить под прекрасными деревьями рая в компании своих любимцев.

Мир был сплошной гармонией. Конечно, существовал контраст между духом и материей, но еще не было добра и зла. Но так продолжалось недолго.

Люцифер, то есть Светоносец, или Утренняя звезда, был высшим из всех ангелов, князем серафимов, любимцем Творца, а по чистоте, величию и силе уступал только Святой Троице. Гордость и зависть овладели, неизвестно как, этим могущественным духом. Он задумал свергнуть власть Бога и водрузить себя на трон всемогущества. Ангелы всех рангов были привлечены к его измене. По первому мановению безрассудного духа бесчисленные разумные существа с нижних небес и с земли ворвались в Эмпирей и присоединились к мятежным серафимам, херувимам и тронам, стекавшимся под знамена восстания. На небе бушевало могучее состязание, перипетии которого покрыты завесой тайны. Однако святой Иоанн в своем Откровении приподнимает одну ее складку и показывает нам Михаила во главе легионов Божьих, сражающихся с Люцифером. Поединок закончился свержением мятежника и его последователей. Прекрасная Утренняя звезда упала с неба.^[4] Христос видел, как некогда верный серафим был сброшен с его валов, словно громовой удар с облаков.^[5]

Покоренный не был уничтожен. Спокойный в сознании своего всемогущества, Бог непостижимым образом определил, что Люцифер, превратившийся в результате своего восстания в дух всецело злой, должен обладать свободой действий в определенных пределах. Деятельность падшего духа заключается в отчаянной и непрекращающейся войне против Бога; и вначале он одерживает победу неизмеримых последствий. Он искушает человека и подчиняет его своей власти. Человечество, как и прекрасная земля, которая является его обителью, находится под проклятием Божиим.

Мир больше не представляет собой нерушимую гармонию, нравственное единство. Он навсегда разделен на два антагонистических царства - Добра и Зла. То, что Бог так желает и допускает неизбежные последствия, подтверждается немедленным изменением структуры вселенной. Смерть посылается вперед, чтобы уничтожить все живое. Ад раскрывает свои пасти в некогда мирных сферах земного лона и наполняется огнем, который сжигает все, но ничего не поглощает.

Поле битвы - все творение, кроме пространств Эмпирея, ибо в его чистую область не может проникнуть ничто порочное. Люцифер все еще сохраняет свои притязания на его трон и во всем стремится подражать Богу. Падшие серафимы, херувимы и престолы составляют его княжескую дружину и военный совет. Мятежные разумные существа средней иерархии, ныне преобразованные в демонов, по-прежнему любят бродить среди тех же звезд и планет, которые когда-то были доверены их попечению, и воевать против добрых ангелов, которые теперь управляют движением небес. Другие демоны парят в атмосфере, вызывая бури и громы, град и снег, морозы и ужасные предзнаменования (поэтому говорят, что дьявол - это князь, управляющий погодой). Другие наполняют землю: моря, озера, фонтаны и реки, леса, рощи, луга и горы. Они пронизывают стихии; они повсюду.

Человек, главный виновник раздоров, находится в печальном состоянии. Телесные боли и страдания, которые земля с момента своего проклятия нагромождает на путь, по которому должны ступать последующие поколения, все причастные к греху Адама, ничто по сравнению с опасностями, которые со всех сторон атакуют и угрожают их бессмертным душам. И как можно избежать этих опасностей? За каждым смертным с самого его рождения действительно следует ангел-хранитель; но как отличить его побуждения от тех, что исходят от тысячи скрытых агентов Зла. Люцифер может превращаться в ангела света, его демоны могут соблазнять голосом, который подделывается под голос Бога и совести. Воля человека не в силах противостоять этим искушениям; она испорчена грехопадением. Разум не дает никаких указаний; омраченный отступничеством человека, он вырождается, если его предоставить самому себе, в сатанинское орудие ереси и заблуждений. Чувства подчинены материи, которая, уже с самого начала противостоя духу, разделяет с ним проклятие. Стоит ли удивляться, что человеческая карьера, начинающаяся с зачатия в греховном чреве, завершается за порталами смерти, вечными муками ада? Все эти мириады душ, созданных Богом и облаченных в глиняные одежды, - все эти микрокосмы, каждый из которых является шедевром, славой творения, существом бесконечной ценности, образуют, звено за звеном, цепь, тянущуюся из того небытия, из которого Бог создал их, в ту бездну, в которой, после краткой земной жизни, они должны мучиться бесчисленные века, отчаиваясь и проклиная своего Творца.

Люцифер торжествует. Его царство растет, но бедный смертный не имеет права жаловаться. Сосуд не должен винить гончара. Когда человек заглядывает в собственное сердце, он обнаруживает в нем греховность и испорченность, столь же безграничные, как и его наказания. Каким бы суровым ни казался закон вселенной, он все равно несет на себе отпечаток божественной справедливости.

Поэтому, когда Бог определяет спасение человечества, это всего лишь акт чистой благодати. Церковь, подготовленная избранием еврейского народа и основанная Иисусом Христом, Сыном Божиим, принесшим Себя на распятие во искупление грехов человеческих, выросла и распространила свое влияние по регионам, где когда-то демоны, боги язычников, владели храмами, идолами и алтарями. Церковь - это магический круг, внутри которого только и возможно спасение (*Extra ecclesiam nullus salus*). В ее стенах Сын Божий ежедневно приносит Себя в жертву за проступки человечества; вино для причастия чудесным образом превращается в Его кровь, а хлеб - в Его плоть, которые, вкушая члены Церкви, способствуют их возрастанию в святости и силе сопротивления искустителю. Церковь - единое тело, одушевленное Святым Духом Божиим, и поэтому один ее член компенсирует избытком добродетели недостатки другого. Святые люди, отказываясь от всех чувственных удовольствий и посвящая свою жизнь покаянию и строгости, созерцанию духовных вещей и добрым делам, накапливают таким образом богатство сверхдолжных дел, которое, откладываясь в сокровищницу Церкви, позволяет ей компенсировать грехи менее самоотверженных членов. Либеральной рукой она дарует отпущение грехов не только живым, но и умершим. Таким образом, род человеческий может дышать свободнее, а множество людей вновь приобщается к преходящим радостям и удовольствиям жалкой земной жизни; и когда смертный срывает цветы удовольствия, распутившиеся в этой долине скорбей, ему не нужно так сильно бояться их скрытого яда, ибо средство от него близко. Рыцарь в замке на вершине скалы или мещанин под ним в долине могут без колебаний брать жену, растить детей и жить в обществе по средствам; счастливый студент может петь и воплощать в жизнь свое "*Gaudeamus igitur*"; неустрашимый солдат может искать возмещения за тяготы похода в веселой жизни в тавернах и женских компаниях; Даже последователи Марии Магдалины, греша в ожидании милости, могут получить у ног Церкви то же отпущение грехов, которое было дано их образцу у ног Иисуса, при условии, что, благодарные за милость Христа, сделавшего их членами своей Церкви, они почитают ее как свою мать, принимают ее таинства и ищут ее помощи. Постоянно растущее число монастырей, обителей строгого самоотречения, непрерывного покаяния и таинственного созерцания, является гарантией неисчерпаемости тех сверхъестественных трудов, которыми обладает Церковь. В этих монастырях тоскуют по жизни юные девы, посвятившие себя Христу после духовного объятия, ради которого были подавлены самые сильные порывы их натуры. Здесь в молитве и труде проводит свои дни и ночи благочестивый отшельник. Те люди, которые, выходя на улицу босыми, в грубых мантиях и с веревками на поясе, посвящают себя, подобно апостолам, нищете и проповеди Евангелия, которые принимают милостыню у дверей мирян, давая им взамен пищу слова Божьего, - все они выходят из одних и тех же монастырей.

Таким образом, Церковь - это мол против прилива греха. Христианин имеет некоторые основания воскликнуть: "О ад, где победа твоя?", ибо, хотя место мучений постоянно заполнено заблудшими духами, есть тысячи и тысячи искупленных душ, которые устремляются в Эмпирей - сразу или через Чистилище. Первыми среди блаженных, которые вместе с ангелами окружают престол Божий, стоят те, кого называют святыми. Их заступничество более действенно, чем заступничество серафимов, а их сила в борьбе с демонами превосходит силу херувимов. Поэтому королевства, общины, ордена, корпорации и гильдии, да даже беззаконные и неблагоприятные профессии (нуждающиеся в благодати и заступничестве более других) имеют своих святых покровителей. Наконец, человек находится под защитой святого, во имя которого он был крещен.

Церковь - это Царство Божие на земле; ее церковная иерархия - образ небесной; ее высший правитель, Папа Римский, - наместник Бога. Ее предназначение - распространение на всю

землю, чтобы включить в свой магический круг все земли и народы, - не могло бы осуществиться, если бы она не обладала властью повелевать королями и армиями христианства. Кроме того, очевидно, что духовная власть выше светской: первая защищает душу, вторая - только тело. Они связаны друг с другом, как дух связан с материей. Поэтому именно Папа должен быть наделен высшим светским достоинством - достоинством римских цезарей. Он является феодалом императоров, как император является, или должен быть, королем, герцогом и свободным городом. Если бы это было не так, если бы различные правители были независимы от хранителей религии, то горе огромной массе их подданных! Конечно, эти массы людей помещены на землю, чтобы быть дисциплинированными гуманностью и послушанием; у них нет прав, на которых они могли бы настаивать, поскольку они находятся за пределами свободы; но, с другой стороны, угнетение, осуществляемое над ними, не имело бы предела, если бы Церковь, которая является общей матерью всех, не напоминала власть имущим об их обязанности любить и лелеять низменных: В самом деле, весь общественный порядок рассыпался бы в прах, если бы более высокая власть, чем та, что зависит от меча, не заставила бы сильного исполнить те обеты защищать слабых, которые он дал в присутствии Святой Троицы. Ибо единственные существующие права - это права привилегий и инвеституры, основанные исключительно на скрепленных печатями оговорах.

Согласно доктринам Церкви, которые являются единственным ключом к спасению, человек получил в дар то, чего он никогда не смог бы достичь с помощью науки, - знание высших истин. Обладая этим знанием, он не должен больше поддаваться искушению дьявола и пытаться проникнуть в тайны Вселенной, не имея ничего, кроме своего омраченного интеллекта; ведь такие попытки обычно заканчиваются ошибкой и отступничеством. И все же соблазн силен, потому что самые высокие истины, облеченные в одежды человеческих представлений, иногда кажутся самопротиворечивыми и абсурдными. Поэтому они должны быть представлены не на суд разума, а на суд веры. Только вера способна проникнуть в них и понять их. Доктрины, провозглашаемые Церковью при содействии Святого Духа, поскольку только они истинны, открывают перед верующим исследователем безграничные сокровища. Следовательно, в Церкви возможна система философии, при условии, что ее процессы, всегда постулирующие непогрешимость догм, будут ограничены благочестивым анализом и смиренным созерцанием религиозных догматов. Для этой цели приверженец схоластической философии может по своему усмотрению использовать аристотелевскую диалектику и по своему усмотрению орудовать рычагом силлогизма. Даже в рамках ортодоксии может возникнуть множество *"если"* и *"но"*, множество *"за"* и *"против"*. Схоластику приходится доказывать лишь самое вероятное; непогрешимый Папа и его синоды санкционируют истинные выводы и опровергают ошибки, которые, если от них отказываются, прощаются. Для исследователя лучше всего основывать свои изыскания на положениях, заложенных первыми отцами Церкви; ведь таким образом последующие поколения будут строить на фундаменте, заложенном для них их предшественниками задолго до этого. Поскольку все они следуют одному и тому же диалектическому методу анализа и синтеза, так что весь предмет пронизывается этими процессами и его массы группируются в архитектурный порядок, на основе догмы воздвигается философская надстройка, напоминающая купола, которыми поражают наш взор искусные мастера каменной кладки.

Мир становится все хуже. Церковь может простить грех, но не может помешать его увеличению. Каждое поколение наследует от предыдущего бремя дурных наклонностей, привычек и примеров, которые, в свою очередь, еще тяжелее ложатся на плечи потомков. Каждый сын имеет больше оснований для вздыхания, чем его отец. "Счастливы те, кто умер,

не увидев света дня! Кто вкусил смерть, не познав жизни!"[6] Сатана атакует Церковь со всех сторон. Со своей башни Сионский страж смотрит на мир и видит, как волны истории, яростно разгоняемые демонами, накатываются на скалу, на которой Христос построил Свой храм. С огромным трудом украшенные крестом воинства Европы отражают нашествие сарацин, приход которых был предрешен язвами и знаменами. Эмблема Церкви - ковчег, выброшенный на бурное море среди бури дождя и молний. История - это духовная комедия, разыгрываемая на сцене, на широком переднем плане которой, как и в мистериях, происходит *театральное действие*; а на узком заднем плане Церковь Божья, подобно осажденной цитадели, устремляет свои вершины над суматохой к мрачному небу, откуда ее защитники ожидают прихода Иисуса и Его ангелов на помощь.

Но прежде чем эта помощь придет, беззаконие достигнет своего апогея. Оно уже действует в священных стенах самой Церкви. С большим трудом наместник Божий покоряет внутренних врагов, чем внешних. С одной стороны, многие считают, что нашли в собственном разуме и совести главные истины, которые они, не имея никакого авторитета вне себя, противопоставляют заповедям, пришедшим свыше, и божественное происхождение которых подтверждено верой ста поколений. Он ставит себя в оппозицию к общей вере. Так возникают ереси - эти раковые опухоли на теле общины, которые приходится лечить железом, когда мази не помогают, и огнем, когда железо неэффективно. С другой стороны, люди настолько овладевают своими страстями, что оставляют Бога, обличающего их, и становятся рабами другого бога, проявляющего к ним благосклонность. Гордость, скованная неясным происхождением, и острая жажда наслаждений, скованная бедностью и лишениями, в отчаянии бряцают оковами и наконец призывают на помощь древнюю Утреннюю Звезду. Архидемон обещает удовольствия без ограничений и власть без предела. Несчастного смертного, боящегося мук, которые причиняют его телу, подталкивают к гибели. Его тело, созданное из праха проклятой земли и всегда являющееся средоточием чувственных желаний, оставлено Богом в жертву нападкам дьявола. "Здесь кто-то теряет глаз, там - руку; один падает в огонь и сгорает до смерти, другой - в воду и тонет; третий взбирается по лестнице и ломает себе шею, третий снова спотыкается на ровном месте и ломает ногу. Все эти непредвиденные случайности, происходящие ежедневно, - всего лишь удары дьявола, которые он наносит нам по жесточайшей злобе"[7] И еще: демон способен настолько полно овладеть человеческим телом, что становится как бы его второй душой, двигает его конечностями, произносит на его языке богохульства, от которых не может не содрогнуться даже их злобный автор. Но хотя богобоязненному человеку, подобно благочестивому Иову, такие страдания приносят пользу, и хотя молитва является мощным убежищем, все же постоянно растет число тех, кто, движимый трусливым страхом перед могуществом князя зла, ищет своей безопасности в союзе с ним; тем более что он предоставляет им частичный контроль над стихиями, а значит, средство для работы и нанесения вреда другим. Так страшный мор колдовства умножает свои жертвы, и в черные часы полуночи сотни тысяч людей, носящих имя христиан, на горах и в пустынях совершают тайные обряды в честь своего сатанинского повелителя. Время созревает для прихода Антихриста, для Судного дня и последнего пожара.

В пламени этого последнего дня будут уничтожены вращающиеся небеса и земля. Движение, деятельность, борьба, история - все это закончится. Остаются только Эмпирей и Ад, как антиподные крайности прежней вселенной. Это пламя не является универсальным очистителем, уничтожающим то, что само по себе не имеет существования[8]. Оно лишь навсегда отделяет золото от окалины. Царство дьявола продолжает существовать, и его добыча - его собственная навеки. Но оно существует так только потому, что вечное существование означает вечное наказание как для его правителя, так и для его подданных. С

нового неба и новой земли, которые по воле Божьей стали местом обитания тех, кто избежал гибели, эти освобожденные духи видят скрежет зубов и плач своих обреченных собратьев и взирают на их мучения и страдания не с состраданием, а с радостью, ибо в их наказании они видят оправдание Божественной справедливости; не с болью, а с восторгом, ибо вид их убогости удваивает их собственное счастье. Из глубины этой пропасти страданий непрестанно доносятся до Эмпирея вопли отчаяния, хулы и проклятия ярости, но они не нарушают гимнов, которые святые и ангелы вечно поют вокруг престола Бога и Агнца; они лишь усиливают торжественность поклонения[9].

Такой в своих главных чертах была космическая философия Средневековья; не абстрактно рассмотренная, но существовавшая в реальности на протяжении многих веков среди христианских людей, направлявшая их мысли, воображение и чувства и управлявшая их поступками. Ее остатки все еще видны в системах существующих сект, хотя и несовместимы с новой философией, над созданием которой трудится человеческий разум. С тех пор как в XVI веке интеллект христианства начал освобождаться от веры по авторитету, влияние старых взглядов на различные формы, которые принимает жизнь, постепенно уменьшалось.

Многие из тех характеристик, которые так странно контрастируют с состоянием общества в Средние века и предшествующей эллинской и последующей современной европейской цивилизациями, имеют свое происхождение в различных теориях мироздания. Не случайно в истории Греции мы встречаем, с одной стороны, столько гармоничных форм, где покой и безмятежная радость запечатлены в каждом черточке лица, а с другой, в истории Средневековья, столько существ, погруженных в глубокий мрак или возвышающихся в неистовом восторге, капающей кровью из нанесенных себе ран или светящейся в лихорадке мистических эмоций - не случайность, что первая эпоха любит эти безмятежные формы и увековечивает их в своих героических галереях, а вторая поклоняется своим эксцентричным фигурам и описывает их в своих легендах как образцы святых. Не случайно, что искусство Греции отражает прекрасную человечность, в то время как искусство Средневековья любит останавливаться на чудовищах и метаться между крайностями ужасной серьезности и дикого бурлеска; не случайно только то, что наука грека рациональна, что он открывает категории в Логике и возводит самую совершенную структуру жесткой демонстрации в своей Геометрии, в то время как наука Средневековья, наоборот, *магична*, - это доктрина соответствий, Астрология, Алхимия и Колдовство.

Для грека Вселенная была гармоничным единством. Закон разума, завуалированный под именем судьбы, управлял самими богами. Пестрые события мифа лежали далеко-далеко, они не волновали даже воображение поэта, когда он ими занимался, не волновали веру народа и менее всего - исследования мыслителя. Непрерывная последовательность событий располагала к созерцанию, которому можно было предаваться тем охотнее, что никто не претендовал на получение в дар полной системы богооткровенных истин, и тем свободнее, что никакие авторитеты не заставляли человека выбирать между такой системой и гибелью. В целом не возникало сомнений в способности Разума проникать во внутреннюю сущность вещей, поскольку до греков не дошло знание о грехопадении человека, которое уничтожило эту способность. В отношении знания грек, следовательно, опирался на доказательства и внутренний авторитет. То же самое происходило и с моралью. Они были убеждены, что те импульсы, которые способствуют счастью домашней жизни, хороши, а те, которые не противодействуют ему, по крайней мере, оправданы; поэтому они с умеренностью наслаждались дарами природы, не подозревая, что щедрый даритель проклят. Идеал мудрости, который они сформулировали, основывался на их внутреннем опыте, будь то

радостные черты Эпикура, более суровые черты Зенона или мягкое и смиренное выражение Эпиктета; и когда они прилагали усилия, чтобы воплотить его в своей жизни, они всегда исходили из предположения, что это возможно благодаря ежедневному укреплению воли. Усилия, прилагаемые греками для достижения чистоты и добродетели, были, как бы, системой гимнастики для развития мышц мозга. В этих усилиях проявлялась та же сила и уверенность в себе, что и в палестре. Вздохи и страдания были чужды этому виду исправительных усилий. И все же они не были совершенно бесплодными. Здесь можно применить старую пословицу о том, что Бог помогает тем, кто помогает себе сам. То, что она развивала великие, сильные и благородные натуры, было настолько неоспоримо, что даже один из христианских отцов, рассмотрев их достижения, начал сомневаться, действительно ли его путь достижения совершенства единственный, пока ему не удалось убедить себя, что "добродетели язычников - это сияющие пороки". Гармоничная личность грека и рациональность греческой науки зависели от единства, гармонии их космических воззрений - от того, что они воспринимали целое как единство в его многообразии, а не как непримиримое воссоединение двух абсолютно антагонистических начал.

Если же, напротив, высшая правящая сила в природе - это произвольный божественный каприз, если мир, открывшийся перед человечеством, управляется чужими, чисто случайными постановлениями, в которые постоянно вмешиваются враждебные влияния из inferнального царства; Если, кроме того, эта борьба бушует не только во внешнем мире, но и в самой сердцевине человеческой природы, витализируя ее разум, чувства и волю, чтобы использовать их без ее участия как средства для ее возвышения или гибели, тогда действительно нет никакой причинности, которую следовало бы искать, и, следовательно, нигде нет поля для научного исследования. Если бы даже наука и существовала, она была бы далеко за пределами человеческих возможностей, поскольку разуму, который является лишь игрушкой демонических сил, нельзя доверять. Его личность также не имеет больше центра тяжести внутри себя. Тогда человек чрезмерно нуждается в таком институте освобождения, как Церковь, которая учит его тому, что божественная власть произвольно решила считать добром или злом; в то время как сверхъестественные средства благодати, таинства, дают ему силу противостоять злу и освобождают его от его недостатков. Таким образом, внешний авторитет вытесняет внутренний, который вырывается с корнем. Тот идеал человеческого совершенства, который возможен в таких условиях и который на самом деле возникает благодаря тому, что исконная активность разума постоянно стремится привести в единство все общепринятые представления, опирается на доктрину авторитета как на свое основание и принимает ее сверхъестественный характер. То, что идеал Средневековья аскетичен, а его наука магична, прямо вытекает из его дуалистического представления о Вселенной и ее особой природе.

Дуализм Средневековья был заимствован из Персии. Это основная идея зороастрийской доктрины, которая, наконец, после долгой борьбы с унитаристскими представлениями греков, проникает в Запад и полностью его покоряет. Эта победоносная борьба Востока с Европой - итог истории между Киром и Константином. Внешние события, наполняющие эти века, приобретают свое истинное значение, когда внутри и за ними видна борьба между двумя конфликтующими системами идей. Подобно скрытым шахматистам, они перемещают своих неосознанных чемпионов друг против друга на доске истории.

Когда Кир отправляет домой иудейских пленников с рек Вавилона на горы Иерусалима, он завоевывает для дуализма ту важную фланговую позицию на Средиземном море, значение которой проявится спустя столетия в ходе битвы. Противник" (Сатана), который иногда появляется в последних частях Ветхого Завета, написанных под персидским влиянием, и

играет постоянно расширяющуюся роль в раввинистической литературе, - это иудаизированный Ариман; бесноватые, которые во времена Христа изобиловали в Палестине, свидетельствуют, что демоническая вера персидского дуализма проникла в воображение и чувства евреев и там принесла свои плоды. На фоне этого мирного завоевания разворачивается великая военная драма между Грецией и Персией. Хотя это не совсем религиозная война, тем не менее, Ормузд и Ариман получают отпор при Марафоне, Саламине и Платее, это греческий унитаризм, который был спасен в этих битвах, чтобы развиваться, в течение некоторого времени без помех, в сияющую и прекрасную культуру. Как уже было показано, магия и вера в авторитет - необходимые последствия дуалистической религии; ограничение и уничтожение свободной личности - столь же необходимые последствия веры в авторитет. Может ли кто-нибудь, наблюдая за конфликтом, бушевавшим на Марафонском поле, не признать столкновения двух духовных противоположностей, двух различных систем идей, когда видит, как отряды греков, собранные из своих агораев (мест для политических дискуссий) и гимназий, бодро и украшенно, но не преуменьшая опасности, идут навстречу бесчисленному воинству Востока, гонимому бичом своих вождей? С одной стороны, полностью развитая свободная личность, берущая свое начало в гармоничном понимании природы, с другой - слепое подчинение внешней силе. С одной стороны - свобода, с другой - деспотизм. Можно добавить с помощью логического вывода, хотя это может показаться более отдаленным, - с одной стороны, рациональность, с другой - магия.

Укрепленная таким образом победой Европа отправляется искать врага в его собственной стране. Александр завоевывает Азию. Но новый Ахилл закован в цепи своего собственного раба. Ибо в то время как греческая культура распространяется по поверхности завоеванных стран, восточный дух движется под ней в противоположном направлении. Волны двух идеальных течений частично смешиваются. В библиотеках Александрии и Пергама сливаются литературы Востока и Запада; в их залах встречаются мудрецы Востока и Запада; в их доктринальных системах Зороастр и Платон, фантазия и умозрение, магия и рационализм смешиваются самым необычным образом. Победа Александра была победой воина, а не трезвого ученика Аристотеля. Иудейско-александрийская философия расцветает, и гностицизм, этот чудовищный ублюдок различных космических систем, уже рождается, когда христианство возникает в Палестине, объединяется с иудейским дуализмом, заимствованным у Зороастра, и таким образом приступает к завоеванию мира оружием веры.

За это время Рим расширил и утвердил свою империю. Национальности, входящие в нее, смешались, их различные боги были перенесены в один Пантеон, а их идеи столкнулись лицом к лицу. Вселенская империя, чтобы сохранить свое существование, была вынуждена централизоваться в деспотию восточного типа, свободные формы государства погибли, философский скептицизм и эвдемонизм отменили среди культурных классов унаследованные представления о религии. Все это, с сопутствующими моральным развратом и материальной нуждой, подготовило почву Запада для принятия семян новой религии. Пустота и страдания делают разницу между идеальностью и реальностью, между добром и злом еще более ощутимой даже для унитарных народов. Дуализм, подготовленный таким образом в сфере мысли и чувства, распространяется в христианской форме с неодолимой силой по римским провинциям. Неисчислимые массы бедных и угнетенных посвящают себя "философии варваров и Востока" (так назвал христианство один греческий мыслитель), потому что они узнают в ней свой собственный жизненный опыт и с полной уверенностью надеются на облегчение.

Эллино-римское язычество оказывает бесплодное сопротивление. Преследования со стороны государства только ускоряют распространение христианства. То, что не может сделать государство, может сделать эллинская культура и философия. Они, некогда враждовавшие друг с другом, примиряются перед лицом общей опасности. Угасающая лампа античности вспыхивает и разгорается ярче, когда чистые сердца и глубокие умы, в иных случаях презиравшие мифы как суеверие, теперь воспринимают их как символы высших истин. Философия выходит вперед, в форме неоплатонизма.

Но неоплатонизм сам отступил от рационального и унитарного. Плотин и Аммоний Саккас тщетно пытаются восстановить его. Он лишь невольно помогает своему противнику, особенно когда, чтобы завоевать массы, соглашается соперничать с ним в чудесах. Ямблих и другие практикуют тайные искусства, чтобы превзойти христианских волхвов, и прославляют Пифагора и Апполлония Тианского как достойных сравниться с Иисусом из Назарета в чудесных дарах. Этим они только способствуют распространению магии и принципов дуализма. Течение восточных представлений все быстрее продвигается к своему триумфу.

Христианский дуализм уже чувствует себя достаточно сильным, чтобы бороться не только со своими объявленными врагами, но и с теми окцидентальными элементами культуры, которые он принял в свое лоно и которые обеспечили ему вход в среду более интеллигентных классов. Она инстинктивно чувствует, что даже та школа мысли, которая возникла внутри Церкви, слишком унитарна и рационалистична, чтобы быть терпимой в долгосрочной перспективе. Такие люди, как Клеменс Александрийский и Ориген, которых поражает внешнее и нетленное в христианстве, и которые знают, как отделить это от его дуалистической формы, ведут трагическую борьбу за объединение веры и мысли. Признавая, что Христос - это все во всем, непосредственная сила и мудрость Бога, они тем не менее хотят спасти эллинскую философию от разрушения, которое фанатизм, превозносящий уверенность и вседостаточность откровения, направляет против любого проявления окцидентальной культуры, будь то в национальной жизни, или искусстве, или науке. Они указывают на то, что философия, если она не может сделать ничего другого хорошего, может предоставить рациональное оружие против тех, кто нападает на веру, и что она может и должна быть "настоящей стеной обороны вокруг виноградника". Их аргументы не действуют. Философия - от дьявола: да, все истинное и доброе в жизни и учении, которым владело язычество, один из отцов объявляет самозванством сатаны (*ingenia diaboli quædam de divinis affectandis*); а вера настолько не зависит от мысли, что лучше сказать: "Я верю, потому что это невероятно, абсурдно, невозможно"[10]. Напрасно умирающий Клеменс восклицает: "Даже если бы философия была от дьявола, сатана мог бы обманывать людей только в одежде ангела света: он должен завлекать людей видимостью истины, смешением истины и лжи; поэтому мы должны искать и признавать истину, из какого бы источника она ни исходила"[10]. И даже этот дар язычникам мог быть дан им только по воле Божьей, и, следовательно, должен быть включен в божественный план воспитания человечества..... Если грех и беспорядок приписываются дьяволу, то как абсурдно делать его автором и дарителем такой хорошей вещи, как философия!... Бог дал Закон иудеям, а философию - язычникам, только для того, чтобы подготовить к пришествию Христа". В этих словах звучит последний предсмертный отзвук эллинской культуры и человечества! Не случайно Клеменс и Ориген вместе с философией также стремились сохранить унитарные принципы, отвергая учение о вечном наказании в аду и утверждая, что дьявол в конце концов станет добрым, а Бог - всем во всем. Но такая точка зрения не могла привлечь внимания в то время, когда христианство, только потому, что оно не было резко и последовательно дуалистичным, чувствовало себя под угрозой со стороны того полностью последовательного и основательного дуализма, который под именем манихейства вновь двинулся против Европы

с персидской границы. Хотя казалось, что манихейство терпит поражение, тем не менее один из его бывших приверженцев, Августин, вдохнул его дух в Церковь. В течение следующего за ним столетия германская миграция уничтожила вместе с последними школами и последние остатки греко-римской культуры. Варваров убеждали принять крещение, часто с помощью пышности и обмана; их божества, бывшие обитателями Олимпа, были низведены до злых демонов. Все, что предшествовало их соединению с Церковью или разрыву с ней, - старый опыт и традиции этих обращенных народов - все осуждалось и относилось к миру зла. Господство восточного дуализма в Европе было окончательно установлено, и наступила долгая ночь Темных веков. Шесть веков отделяют Прокла, последнего известного неоплатоника, и Августина, последнего из отцов, получивших философское образование, от Ансельма, основателя схоластики! Между ними лежит простор, в котором Григорий Великий и Скот Эригена - почти единственные звезды, и те отнюдь не первой величины. "Во времени, как и в пространстве, есть пустыни", - говорит Бэкон.

Когда вновь стали возможны слабые попытки научной деятельности, ученый-монах имел счастье обладать несколькими замаранными листами Аристотеля, полученными, правда, не напрямую, от арабов. На этих листах он с изумлением и восхищением прочитал метод логического исследования. В остальном это были Гермес Трисмегист, Дионисий Ареопагит (перевод Скота Эригены) и другие подобные мистические произведения неизвестных рук, с отдельными штрихами неоплатонизма, которые были вставлены мечтательным схоластом, когда ему нужен был материал для завершения космологии, принципы которой он нашел в догматах Церкви.

Разумеется, Темные века не могли осознать, тем более признать, что между их космическими воззрениями и воззрениями Зороастра существует тесная связь; но все же смутное подозрение на это можно обнаружить. Ученые мужи Средневековья приписывали Зороастру основание магических наук. Шпренгер (автор *Malleus Malificarum*, о котором далее пойдет речь), Ремигиус, Жан Боден, Дельрио и некоторые другие юристы и теологи, которые приобрели печальную известность как судьи на процессах над ведьмами, в своих трудах приписывают Зороастру происхождение колдовства.

Дуалистическое представление не изменилось после прихода христианства, а усилилось. Религия Зороастра, предполагающая добрый первопринцип,^[11] допускает, что зло, возникшее в свое время, со временем исчезнет; и она завершается учением, которое слабо светится даже в Новом Завете, о конечном "восстановлении всего сущего" (ἀποκατάστασις πάντων), и, следовательно, сводит зло к чему-то чисто феноменальному. В доктринах же Церкви, как они сложились под влиянием Августина, манихея, зло, хотя и возникшее во времени, представляется вечным. Это различие имеет огромное практическое значение и объясняет, почему дуализм не принес таких же ужасных плодов на своей родине на Востоке, как на Западе. Ужасное разделение и контраст, которыми заканчивается божественная комедия Средневековья, - вопли и проклятия, доносящиеся из ада, чтобы усилить блаженство искупленных, - образуют концепцию, настолько отвратительную, что она не может быть объединена с мыслью и чувством, не делая их дикими. Сострадание, благожелательность, любовь - те качества, благодаря которым человек ощущает родство с божественным, теряют свое значение и лишаются своей вечной печати, когда они больше не встречаются в его Создателе, разве что ограничены или, скорее, приостановлены действием другого качества, которое благочестивый человек заставляет себя называть справедливостью, но которое неудержимый голос из глубины его души называет жестокостью. К этому следует добавить еще одно важное соображение. Слуга Ормузда - не

более собственность дьявола, чем земля, по которой он ступает. Конечно, его со всех сторон окружает вероломство Аримана и всех демонов, но это лишь потому, что он призван и уже наделен силой быть защитником Добра на земле. Именно в этом качестве он оказывается в гуще сражения. Сила добра, однажды переданная ему и постоянно обновляемая молитвой, в то же время принадлежит ему; он может использовать ее, не теряясь в недоуменном вопросе, где кончается свобода и начинается благодать. Каждый, кто придерживается учения света, стоит на своих собственных ногах. Это относится к каждому служителю Ормузда; Зороастр не делал в этом отношении различия между священником и мирянином. Даже вера в авторитет, сама по себе являющаяся посягательством на свободу личности, в этой форме религии сохраняет для нее свободную и неприкосновенную арену.

В церкви Средневековья дело обстоит иначе, и это нельзя представить лучше, чем в следующих словах неолютеранина Вильмара, когда он сохраняет за духовенством "власть держать общину вместе с помощью слова, таинств и церковной власти, власть разрубить голову греха одним словом, власть спуститься в душу, в которой враг распространил мрак безумия, и заставить непокорные колени маньяка согнуться, а его неистовые кулаки сложиться в молитве, да, власть [здесь мы имеем кульминацию, которая довольно скромна после предыдущего] спуститься в душу, в которой древний враг основал свою обитель, и там сразиться с наглым гигантом из царства тьмы лицом к лицу и глаза в глаза. Все это, - продолжает Вилмар, сам не похожий на неистового фокусника, желающего вызвать из могилы призрак темных веков, - все это не под силу ни общине, ни священнослужителям, которые не наделены необходимыми полномочиями, поручением, мандатом и властью. Прихожане (*то есть* миряне) не в состоянии заглянуть в яростные глаза дьявола; ибо то, что пророчествуется о последних днях, что даже избранные, если это возможно, будут обольщены, с большей силой относится к особому явлению сатаны в этом мире: перед ним прихожане рассыпаются как хлопья снега, не обольщенные, но напуганные до смерти. Только мы (духовенство) неустрашимы и бесстрашны, ибо отвергший князя мира сего поставил нас перед ужасным змеиным оком архи-зверя, перед его богохульными и презрительными устами, перед его inferнально искаженным лицом." Эти слова из-под пера фанатичного дуалиста нашего времени хорошо отражают, как уже говорилось выше, общепринятые взгляды Средневековья; и поэтому не стоит удивляться тому, что средневековые поколения, отказавшись от личности, бросились, чтобы спастись, в объятия магического института избавления. Явления, о которых пойдет речь на следующих страницах, после этого вводного взгляда на философию средних веков не покажутся столь произвольными и странными, как это может показаться на первый взгляд. Даже они являются продуктом внутренней необходимости. Если бы было возможно - а плачевные попытки не прекращаются - возродить в мыслях, чувствах и воображении человечества догмы средневековья, то мы стали бы свидетелями частичного повторения их ужасных сцен. Изображение их имеет не только чисто исторический, но и предостерегающий и практический интерес.

II.

МАГИЯ ЦЕРКВИ.

Магия - предвестник науки. В истории развития человечества тусклое восприятие предшествует ясному, а господство воображения - господству разума. Прежде чем последний смог взять на себя трудоемкую задачу связать воедино по своим законам факты внешнего и внутреннего опыта, - прежде чем возникла философия или естественные науки, - воображение уже всюду творило магию.

Как и наука, магия в своей первоначальной форме основывается на принципе, согласно которому все существующее объединяется. Наука ищет связи между ними дедуктивно и индуктивно; магия, ища опоры во внешнем сходстве между существующими вещами^[13] и в смутной уверенности в силе воли и слова, устанавливает эту связь свободно, путем произвольных ассоциаций между несочетаемыми объектами. Человек, вовлеченный в борьбу за физическое существование, стремится в ней не столько к теоретическому *знанию*, сколько к практическому *умению*. Знание тайн позволит ему стать угодным своему Богу, недоступным для вредных влияний, хозяином своего настоящего и будущего существования и судьбы.

Магические обычаи, существующие у каждого народа, представляют собой почти бесконечное разнообразие форм. Однако в конечном итоге все они могут быть сведены к одному типу.

Повседневный опыт учит, что между каждой причиной и ее следствием существует определенная пропорциональная сила. Теперь, поскольку эффект, на который нацелено обращение к магии, носит экстраординарный характер, средства, которые предписывает магическое искусство, должны обладать экстраординарной эффективностью, такой, которую разум не может предсказать ни *a priori*, ни путем индуктивных рассуждений. Кроме того, опыт учит нас, что воля, как простое инертное желание, еще не выраженное в действии, не достигает своей цели. Поэтому магическую силу нельзя искать в одной лишь воле как таковой; к ней следует добавить действие, ту работу органов чувств, которую воля использует как средство, в котором она проявляет себя, независимо от того, зависит ли сила этих чувств-средств, как предполагает первоначальная магия, зависит от его мистической, но необходимой связи с соответствующим объектом в более высокой сфере (например, связь между металлами и планетами), или, как в церковной магии, от произвольного решения Бога, предписывающего, что данное средство, используемое по его предписанию, должно произвести эффект, немыслимый разумом. Во всякое занятие магией входит, следовательно, во-первых, субъективный духовный фактор - воля (на языке Церкви - вера); во-вторых, чувственные средства - фетиш, амулет, святая вода, носитель, формула экзорцизма, церемония и т. д.; и, в-третьих, непостижимая ("сверхъестественная") сила, которой эти средства, присвоенные волей (или верой), обладают в магическом акте.

Вера в магию встречается у всех народов. У приверженцев унитарных взглядов ей было суждено все больше и больше отходить на задний план с развитием спекуляций и естественных наук. У них также существовала только одна форма магии, хотя те, кто владел ее секретом, считались способными использовать ее как в полезных, так и во вредных целях. Только у народов, придерживающихся дуалистических взглядов, мы встречаем магию в двух формах: у жрецов - *белую* и *черную*, первую - как добрый дар Ормузда, вторую - как злой дар Аримана; у христиан Средневековья - *небесную* магию и *дьявольскую*, первую - как привилегию Церкви, дарованную Богом в качестве оружия для победы над Сатаной, вторую - как inferнальное искусство для распространения неверия и нечестия. Согласно унитаристской теории, магия является лишь подготовкой к натурфилософии, и постепенно уступает ей место, пока не окажется у самых низких классов как пережиток прошлой стадии развития. Дуалистические религиозные системы, напротив, сливаются в тесном союзе с

магией, наделяют ее той же универсальной и вечно действующей силой, которую они приписывают себе, и помещают ее на свой собственный трон в виде божественной и сакраментальной тайны. Только так вера в магию может наложить свою особую печать на целые эпохи и периоды культуры; только так - после разделения на небесное и дьявольское и в той причинно-следственной связи с временным или вечным благом или горем человека, в которой она находится, - она становится обладательницей абсолютного суверенитета над воображением и эмоциями народа.

Наше рассмотрение магии средних веков можно начать с описания небесной или привилегированной магии, то есть магии *Церкви*, чтобы затем в естественном порядке перейти к недобросовестной магии *ученых* (астрология, алхимия, колдовство) и гонимой *народной* магии (в которой Церковь видела действительно дьявольскую форму), и закончить рассказом о страшной катастрофе, вызванной борьбой, которая бушевала между ними.

Не вина писателя, если читатель найдет в магии Церкви карикатуру на святое, в которой комический элемент перевешивает отталкивающий. Чем более объективным должно быть изображение, тем более неприятными становятся его черты. Поэтому мы будем кратки.

Как заботливая мать, Церковь лелеет и опекает человека, окружая его от колыбели до могилы своими магическими оберегами. Вскоре после рождения ребенка священник должен быть готов окропить его святой водой, которая с помощью молитв и заклинаний очищена от загрязнений демонов, населяющих даже эту стихию. Ибо слабое существо, рожденное в грехе и по природе своей принадлежащее Люциферу, без благодати крещения было бы навечно потеряно для рая и вечно обречено на адские муки^[14].

Поэтому не один добросовестный служитель Церкви пытался придумать средство, с помощью которого спасительная вода могла бы соприкоснуться с ребенком до того, как он увидит свет. Однако эта мера предосторожности так и не стала официально принятой. Эффективность крещенской воды превосходит эффективность воды из купальни Вифезда, которая избавляла только от телесных недугов. Крещение спасает миллионы душ от ада. Предвидя это, дьявол, исполненный злых замыслов, еще до возникновения христианства решил унижить и презреть это таинство, заранее сделав его копию в учрежденных им таинствах Митры, которые в других отношениях дерзко подражают таинствам Церкви.

В крещении с водой взаимодействуют другие средства, освященные священником: масло, плевок (который священник после крещения позволяет упасть на ребенка и действенность которого вытекает из Марка vii. 33), соль, молоко и мед.^[15] Кроме того, есть крестное знамение и колдовство, которые изгоняют искусителя из ребенка и готовят место для Святого Духа. С помощью этих магических церемоний ребенок принимается в Церковь и отныне становится участником защиты, которую она дает от зла.

Крещенская, или святая, вода, если ее пьют больные и немощные, исцеляет и укрепляет; если ею окропляют поля, она способствует плодородию, а если ее дают домашним животным, то она защищает их от колдовства.

Как крещение является первым спасительным и освящающим таинством, предлагаемым человеку, так и елеосвящение, совершаемое над умирающим, является последним. Между ними находится Евхаристия - вечный источник силы и освящения, Евхаристия, в которой "Хлеб и вино, возложенные на алтарь после совершения освящения, являются истинными плотью и кровью Бога, к которым плоть, ощутимо для чувств (*sensualiter*), прикасается руками

священника и вкушается зубами верующего." [16] Когда священник произносит формулу превращения, он поднимает носитель, [17] теперь уже не хлеб, а Тело Христово, прихожане преклоняют колени, и звон колоколов возвещает окрестностям, что величайшее из всех волшебных дел совершилось. Съеденная верующими плоть Христа входит в их собственную плоть и кровь и чудесным образом укрепляет душу и тело. [18] Еретики в Аррасе, считавшие, что праведность необходима для спасения, и сомневавшиеся в доктрине транссубстанции, обратились в веру, как только епископ Герхард рассказал им, что во времена Григория Великого освященный хлеб принял перед одной сомневающейся женщиной форму кровоточащего пальца Христа. Один благочестивый отшельник, которого начали мучить те же сомнения, вновь обрел веру, когда во время причастия увидел, как ангел прикладывает нож к младенцу Иисусу в тот самый момент, когда священник преломляет хлеб. В легендах и летописях много рассказывается о евреях, которые, тайно добыв жертвенник и желая отомстить Христу, пронзили его ножом, увидев обильную струю крови; иногда, правда, внезапно появлялся прекрасный кровоточащий мальчик. Подобные истории, получившие широкое распространение, привели к жестоким гонениям (как в Намюре в 1320 году) [19].

Если евхаристия - это принятие пищи, укрепляющей верующих в борьбе с грехом, то крестное знамение следует рассматривать как меч, а священный амулет - как доспехи. Крест - это знак, в котором христианин должен побеждать". [*In hoc signo vinces.*] С ним он должен начинать каждое действие; им он отражает каждое нападение демонов. "Тому, кто хочет убедиться в этом, - говорит святой Афанасий, - достаточно совершить крестное знамение, ставшее столь нелепым для язычников, перед насмешливыми заблуждениями демонов, обманами оракулов и волхвов; и он тотчас увидит, что дьявол бежит, оракулы посрамлены и вся магия и чародейство отмщены". Амулеты, используемые Церковью, разнообразны: медали с изображением Марии, освященные изображения, особенно так называемых агнцев Божьих [20] (*agnus Dei*), изготовление и продажа которых папская булла 1471 года закрепляет за главой Римской церкви. Если они приносят духовенству огромные деньги, то также обладают большой силой. Они защищают от опасностей, исходящих от огня или воды, от бури и града, от болезней и колдовства. [21] Наряду с амулетами разнообразную пользу приносят так называемые зачаточные заготовки, которые монахи-кармелиты продают за небольшую сумму. Эти заготовки сделаны из освященной бумаги и исцеляют, если их проглотить, болезни естественные и сверхъестественные; положенные в колыбель, они защищают ребенка от колдовства; закопанные в углу поля, они защищают его от непогоды и губительных насекомых. Заготовки для зачатия кладут под пороги домов и амбаров, прикрепляют к бочкам с пивом и посуде с маслом, чтобы отвести колдовство. Они изготавливаются монахами в соответствии с проверенным формуляром, который, будучи характерным и сравнительно кратким, заслуживает цитирования: - "Заговариваю бумагу.

"Заклинаю тебя, бумага (или пергамент), ты, служащая нуждам человечества, служишь хранилищем чудесных деяний и святых законов Божиих, как и по божественному повелению брачный договор между Товием и Сарой был написан на тебе, говорит Писание": Они взяли бумагу и подписали свой брачный договор. Через тебя, о бумага, и дьявол был побежден ангелом. Заклинаю тебя Богом, Господом вселенной (крестное знамение!), Сыном (крестное знамение!) и Святым Духом (крестное знамение!), который расстилает небеса как пергамент, на котором он описывает божественными символами свое величие. Благослови (крестное знамение!), Боже, освяти (крестное знамение!) эту бумагу, чтобы она могла расстроить работу дьявола!

Тот, кто будет носить на себе эту бумагу, написанную святыми словами, или прикрепит ее к дому, будет избавлен от посещений сатаны через Того, Кто придет судить быстрых и мертвых".

"Давайте помолимся.

"Могучий и непоколебимый Бог, Бог отмщения, Бог отцов наших, открывший через Моисея и пророков книги древнего завета Твоего и многие тайны благодати Твоей и побудивший Евангелие Сына Твоего быть написанным евангелистами и апостолами, благослови (крестное знамение!) и освяти (крестное знамение!) сию бумагу, дабы милость Твоя была явлена всякой душе, которая понесет с собою сию святыню и сии святыя письма, и дабы все гонения на нее от дьявола и от бурь сатанинских колдовств были прекращены через Христа, Господа нашего. Аминь.

"(Бумага должна быть окроплена святой водой)".

Вместе с амулетами и этими заготовками для зачатия в арсенал Церкви входят также чудотворные реликвии и образы святых. Бог милостиво распорядился, чтобы Церковь не отказывалась от борьбы с силами греха из-за недостатка оружия. Ее наступательные и оборонительные средства многообразны. Ее воины, священники, подобны рыцарям, облаченным в латы с головы до ног и вооруженным копьем, мечом, кинжалом и утренней звездой. Почти в каждом районе есть сокровища реликвий, которые, хранясь в святынях и выставляясь по торжественным случаям перед благочестивым народом, составляют его палладиум, препятствуют или предотвращают нападение враждебных сил, успокаивают или предотвращают бедствия чумы. Не только телесные мощи святых и мучеников, но и все, к чему они могли прикоснуться при жизни, да даже капли росы на их могилах, являются ужасом для извергов и средством духовной и телесной силы для верующих. О чудесных свойствах образов рассказывается в сотне легенд. По прямому действию божественной силы между ними и теми, кого они изображают, непрерывно существует мистическая связь. На это бросает свет святой Иероним, когда восклицает против Вигилантия, слепо выступавшего против поклонения изображениям: "Ты смеешь предписывать законы Богу! Ты смеешь заковывать апостолов в цепи, чтобы они до самого Страшного суда находились в своей темнице и были лишены возможности быть с Господом, хотя написано, что они будут с Ним, куда бы они ни пошли! Если Агнец вездесущ, то мы должны верить, что и те, кто с Агнцем, тоже вездесущи. Если дьяволы и демоны бродят по миру и своей немыслимой быстротой передвижения присутствуют повсюду, то неужели мученики, пролив свою кровь, должны оставаться заключенными в своих гробах и никогда не смогут их покинуть!"

Как старость и смерть являются последствиями грехопадения Адама, так и почти все болезни порождены той властью над телесной природой человека, которую он уступил сатане, когда Бог произнес свое проклятие на род. Так же и остальные болезни и немощи человека, справедливо или несправедливо называемые естественными, с величайшей уверенностью излечиваются с помощью Бога. Поэтому посредник между Богом и людьми, Церковь, через своих служителей является единственным верным и единственным законным врачом. [*"Operatio sanandi est in ecclesia per verba, ritus, exorcismos, aquam, salem, herbas, idque nedum contra diabolos et effectus magicos, sed et morbos omnes"*]. Священник совершает исцеления от имени Церкви и во имя Бога с помощью молитвы, возложения рук, экзорцизма, мощей и освященных природных средств, особенно воды, соли и масла. При этом он действует как видимый делегат невидимого высшего врача, святого, рукоположенного Богом быть целителем болезни. Ведь у каждого недуга есть свой лекарь в рядах святых. Святой Валентин лечит эпилепсию, святой Гервасий - ревматические боли, святой Михаил де

Санатис - рак и опухоли, святой Иуда - кашель, святой Овидий - глухоту, святой Себастьян - заразные лихорадки и ядовитые укусы, святая Аполлония - зубную боль, святая Клара и святая Лючия - ревму глаз и так далее. Легенды рассказывают о чудесных эффектах целительной силы, которой обладали святой Дамиан, святой Патрик и святой Губерт. Страшная болезнь гидрофобия была излечена последним из названных. В монастыре в Люксембурге, названном в честь этого святого, гидрофобия была излечена через много лет после его смерти, когда больного приводили в церковь во время службы и вдавливали волосок из мантии святого в небольшой разрез, сделанный для этого на лбу. Для помощи тем, кто жил вдали от монастыря, освящались так называемые "губертусские ленты" и "губертусские ключи"; их прикладывали к ране, раскалив до бела.^[22] Подобные лечебные средства можно перечислять сотнями.

Среди всех недугов состояние одержимости бесами занимает самое примечательное место в анналах Церкви, и, как видно, для его излечения требовались самые мощные экзорцизмы. Церковная патология утверждает, что в этой болезни дьявол не скрыт, в то время как во всех других он скрыт. Экзорцист, который должен изгнать дьявола, предстает в полном священническом облачении; зажигается ладан и освященные восковые лампы, все предметы вокруг бесноватого окропляются святой водой, воздух вокруг очищается произнесением определенных формул; Затем следуют горячие молитвы и, наконец, отчаянная и ужасная борьба между демоном, который теперь конвульсивно искажает конечности своей жертвы и произносит устами самые ужасные богохульства, и священником, который использует более и более сильные заклинания, пока победа не будет окончательно за ним.

Светское медицинское искусство - опирающееся на естественные средства - должно презираться либо как излишнее, либо как сильно запятнанное ересью. Рассечение, чтобы исследовать строение человеческого тела, - это самонадеянность; можно даже с полным основанием спросить, не является ли оно презрением к доктрине о конечном воскресении. Поэтому светское искусство врачевания долгое время оставалось уделом неверных иудеев. Но когда князья и богачи, слабо понимая недостаточность слова, мощей и освященных средств, стали содержать врачей, светское искусство медицины стало прибыльной профессией, и школы для его культивирования были созданы под королевской защитой. Такова школа в Салерно, к которой стражи Сиона не могут относиться без подозрения. Это школа, которая предписывает педантичные правила питания, как будто диета может защитить от нападков дьявола! Греческий язычник Гиппократ, который долгое время скитался среди евреев и арабов, наконец-то находит пристанище в ее стенах, - Гиппократ, который вынужден был утверждать о демонизме (*morbus sacer*), что он "не более божественный, не более inferнальный, чем любая другая болезнь!". Когда учитель таков, какими должны быть ученики? Церковь не запрещает полностью медицинскую практику, поскольку она может принести некоторую пользу в случае внешних повреждений или во время моровой язвы; но она должна строго следить за ортодоксальностью тех, кто занимается этим искусством. На нескольких соборах (например, в Реймсе в 1131 году, во втором Латеранском соборе в 1139 году и в Туре в 1163 году) она настойчиво запрещала своим слугам иметь какое-либо отношение к этой подозрительной профессии. Однако опыт научил не преувеличивать опасности, связанные с ней. Светские врачи часто вынуждены признавать, что такая-то и такая-то болезнь вызвана колдовством, а значит, имеет сверхъестественное происхождение. Клеветники могут заявить, что такое заявление удобнее, чем расследование причин болезни естественным путем, и менее неприятно, чем признание своего невежества. Но как бы то ни было: уступка подразумевает признание сверхъестественности Церкви, и поэтому ее можно скорее рекомендовать, чем порицать.

"Это, - говорит Фома Аквинский, - догмат веры, что демоны могут вызывать ветер, бури и огненный дождь с небес. Атмосфера - это поле битвы между ангелами и дьяволами. Последние постоянно вредят человеку, первые - улучшают его; следствием этого является переменчивость погоды, которая грозит разрушить надежды на земледелие. И когда Люцифер способен наделить даже человека - колдунов и чародеев - властью уничтожать поля, виноградники и жилища людей дождем, градом и молниями, стоит ли удивляться, что Церковь, которая является защитой человека от дьявола и чье особое призвание - бороться с ним, должна и в этой сфере быть его противовесом и искать в сокровищнице своей божественной силы средства, достаточные для расстройства его атмосферных злоключений? К таким средствам относятся церковные колокола, если они были должным образом освящены и крещены. Устремленные ввысь шпили, вокруг которых теснятся низкие жилища людей, при звоне колоколов можно сравнить с курицей, расправляющей крылья над своими цыплятами, ибо звон освященного металла отгоняет демонов и предотвращает бурю и молнию" ("*Vivos voco, mortuos plango, SULPHURA FRANGO*", обычная надпись на церковных колоколах). Земледельцы, желающие получить от церкви особую защиту для своих урожаев, платят ей десятину за благословение. Во время продолжительной засухи священники совершают заступничество и открывают дождевые процессии, во время которых на поля выносятся изображения Богородицы, которые окропляются святой водой при пении погодных заклинаний.^[23] Если поля посещают вредные насекомые, у Церкви есть средства и против них. Она приказывает им именем Бога удалиться, а если они не слушаются, против них возбуждается регулярный процесс, который заканчивается их примерным наказанием, ибо они отлучаются от Церкви. В Средние века к таким процессам прибегали очень часто, и мы приведем несколько подобных примеров.

В 1474 году в окрестностях Берна майский жук совершил большие злодеяния. Когда власти города обратились к епископу Лозанны Бенуа де Монферрану за помощью в борьбе с этим злом, тот решил издать письмо об отлучении от церкви, которое было торжественно зачитано священником на церковном дворе Берна. "Ты, неразумное, несовершенное создание, майский жук, - так начиналось письмо, - ты, чей вид никогда не был заключен в Ноев ковчег! Именем моего милостивого господина, епископа Лозанны, силой прославленной Троицы через заслуги Иисуса Христа и послушанием, которым ты обязан Святой Церкви, я повелеваю тебе, майский жук, всем вместе и каждому в отдельности, удалиться из всех мест, где прорастает и растет пища для людей и скота". Письмо заканчивается призывом к насекомым явиться на шестой день после этого, если они не исчезнут до этого времени, в час пополудни в Вивельсбург и принять на себя ответственность перед судом милостивого государя Лозанны. Это письмо также было зачитано с кафедры, а прихожане, преклонив колени, повторяли "три патерностера и три Ave Marias". Заранее были приняты меры для проведения судебного процесса со строгим соблюдением всех профессиональных форм. Среди них, конечно, было и то, что у обвиняемого должен быть адвокат. Но когда ни один адвокат в Берне не согласился выступить в защиту насекомых, епископ придумал вызвать из ада тень умершего несколько лет назад печально известного адвоката по имени Перроде и поручить ему выступить в защиту майских жуков с тем же усердием, которое он так часто проявлял при жизни, защищая гнусных клиентов. Но, несмотря на многочисленные вызовы, ни Перроде, ни его клиенты не соизволили явиться. По истечении срока, отведенного для начала защиты, и после устранения некоторых сомнений относительно надлежащей формы процедуры, епископальный трибунал наконец вынес свой вердикт, который заключался в отлучении от церкви во имя Святой Троицы "вас, проклятые паразиты, которых называют майскими жуками и которых нельзя даже причислить к животным". Правительство приказало властям

пострадавшего района доложить о благотворном влиянии отлучения; "но, - жалуется хроника того времени, - никакого эффекта не наблюдалось из-за наших грехов".

Поскольку считалось, что любое пренебрежение юридическими формами лишает приговор не только юридической, но и магической силы, при проведении этих часто повторяющихся процессов против майских жуков, кузнечиков, капустных червей, полевых крыс и других вредных паразитов проявлялась самая скрупулезная осторожность. Сохранился подробный и яркий документ ученого Бартоломея Шассанеуса (род. 1480 г.), в котором тщательно рассматривается вопрос о том, следует ли и как следует рассматривать дела таких вредителей в судах: должны ли они являться лично или через заместителя, подлежат ли они духовному или светскому суду и можно ли применить к ним наказание в виде отлучения. Он доказывает на многих основаниях, что юрисдикция, которой они подчиняются, - духовная, и что они могут быть должным образом отлучены от церкви. Однако вопрос о юрисдикции остается нерешенным, и гражданское преследование фельдъегерей в Тироле в 1519-20 годах доказывает, помимо прочего, что светский трибунал иногда считал себя оправданным при рассмотрении подобных исков. Крестьянин Симон Флисс предстал перед Вильгельмом Хасслингенским, судьей в Глюрнсе и Мальсе (Обер-ин-Валли), в качестве истца против полевых крыс, которые совершали большие грабежи в его приходе. Затем суд назначил Ганса Гринебнера, жителя Глюрнса, защитником обвиняемого и вручил ему, перед свидетелями, требуемое поручение. После этого истец избрал своим защитником Шварца Минига и по требованию трибунала получил от него ордер на полномочия. В день суда, в среду после дня святого Филиппа и святого Иакова, было допрошено множество свидетелей, установивших, что крысы причинили большие разрушения. Тогда Шварц Миниг выступил с последним заявлением, что вредных животных следует обязать не вредить, поскольку в противном случае жители Штильфа не смогут выплачивать ежегодную десятину своему высокому покровителю. Гринебнер, адвокат защиты, не мог и не хотел делать исключений из показаний, но пытался убедить суд, что его клиенты "пользуются определенным правом пользования, в котором им вряд ли можно отказать". Если же суд придерживается иного мнения и сочтет за лучшее выселить их, он все же надеется, что сначала им будет предоставлено другое место, где они смогут содержать себя. Кроме того, при отъезде им должен быть предоставлен достаточный эскорт для защиты от врагов, будь то кошки, собаки или другие противники; он также надеялся, что, если какая-нибудь из крыс беременна, ей будет предоставлено время для родов и последующего безопасного отъезда со своим потомством. Решение было вынесено в следующих выражениях: "После обвинения и защиты, после утверждений и опровержений, после должного рассмотрения всего, что относится к правосудию, настоящим приговором постановляется, что эти вредные животные, называемые полевыми крысами, должны в течение двух недель после обнародования настоящего приговора покинуть поля и луга Штильфа и навсегда остаться вдали от них. Если же одно или несколько животных беременны или по молодости не могут последовать за ними, то в течение двух недель они должны пользоваться безопасностью и защитой от всех, а по истечении этих двух недель покинуть их".

Мы можем составить некоторое представление об огромной силе молитвы и экзорцизма, если подумаем, что влияние воли и идеи, выраженной в слове, взаимодействует в них с силой самого слова как простой формы. Ведь материальное слово, звук, улавливаемый ухом, формула, как таковая, оказывает магическое воздействие без знания ее смысла. Народная масса с ее невежеством в отношении официального языка Церкви и образованности будет плохо себя чувствовать, если эти "Paternosters" и "Ave Marias", записанные на память без понимания, окажутся духовно неэффективными, - если латинская месса, которую слушают прихожане, будет лишена назидательной и освящающей силы из-за того, что ее не

понимают. Поэтому формуляры Церкви, созданные в разное время и для разных целей, имеют большое значение и должны добросовестно соблюдаться.^[24] Здесь можно привести одно доказательство их необычайной силы. В 1532 году дьявол запустил в небо огромную комету, которая угрожала земле и людям засухой и мором; но папа торжественно изгнал это запретное знамение, - и вот! через короткое время оно исчезло, уменьшаясь день ото дня благодаря силе папской анафемы. О том, что святое слово может быть полезным только благодаря своему звучанию (*flatus vocis*), свидетельствует легенда о прирученном скворце, который был спасен из когтей ястреба как раз в тот момент, когда его предсмертная агония вытеснила из него слова, которые он научился повторять "Ave Maria".

На силе слова, как на фундаменте, покоится папский обычай освящать хлеб, вино, масло, соль, лампы, воду, колокола, поля, луга, дома, штандарты и оружие. "Таковыми злоупотреблениями, такими суевериями и дьявольскими искусстваами было наполнено священство во время папского престола", - жалуется старый протестантский теолог, обративший внимание на избыток магии, которым католическая церковь обладала в большей степени, чем лютеранская, но слепой к общему благосостоянию, - "и поэтому такие вещи вошли в моду даже среди простых людей". Что было главным в мессе, если не чудотворные слова благословения, когда священник произносил четыре слова или шесть слогов "*Hoc est corpus meum*" (это мое тело) над хлебом, дышал на него и трижды совершал над ним крестное знамение, представляя, что таким образом хлеб превращается в плоть Христа? Таким же образом он превратил вино в потире в кровь Христа, хотя слогам и словам не дана такая сила. Он связал Святой Дух с водой, солью, маслом, лампадами, специями, камнем, деревом или землей, когда освящал церкви, алтари, церковные дворы, когда благословлял мясо, яйца и тому подобное, и когда в канун Пасхи освящал огонь, чтобы он не причинил вреда (хотя я, Я, Боже меня сохрани, узнал, что наша деревня была полностью уничтожена через четыре дня после такого освящения), когда он крестил и освящал колокола, чтобы их звон рассеивал дурные влияния, утишал бури и т.п."

Организация монастырей должна рассматриваться как оборонительная система Церкви, охраняющая и защищающая от дьявола завоеванную ею территорию. Как монгол, вторгшийся в Европу, обнаружил бесчисленные кручи, увенчанные мощно укрепленными замками, само количество которых отпугивало от любой попытки осады, так и сатана и его хозяева находят христианский мир усыпанным духовными твердынями, каждая из которых включает в себе арсенал, наполненный могучим оружием как для наступательной, так и для оборонительной войны. В каждом монастыре есть свой мастер-маг, который продает *agni Dei*, заготовки для зачатия, магический ладан, соль и лампы, освященные в день Свечи, вербы, освященные в Вербное воскресенье, цветы, окропленные святой водой в день Вознесения, и многие другие приспособления, входящие в великий магический аппарат Церкви.

Если бы эта освященная техника была столь разнообразной и полной, можно было бы ожидать, что люди будут довольны, и не будут искать никаких других средств, кроме тех, что постоянно находятся под рукой. Но, увы, народная магия inferнального происхождения находится за границей и свирепствует рядом со святой магией Церкви; и с ее помощью сатана искушает беспечных, любопытных и нерешительных. Даже многие священники запятнаны ею. Святой Бонифаций, а за ним многие папы и монахи-летописцы горько сетуют на то, что низшее духовенство занимается составлением любовных приворотов и прорицательскими искусстваами, используя даже священные принадлежности Церкви, как хозяина, для усиления действенности своих дьявольских чар.

Поскольку Церковь стремится привести все условия жизни к гармонии с собой, естественно, что она ставит свою печать и на человеческую юриспруденцию. Испытания, которые, по ее мнению, применяют некоторые из обращенных ею народов, точно соответствуют ее системе. Поэтому она принимает их как основанные на правильной идее,^[25] делает их тем, чем они не были раньше, - общепринятой практикой и дает подробные правила относительно песнопений, молитв, заклинаний и месс, которыми они должны сопровождаться. Например, когда человек, подвергающийся обвинениям или подозрениям, должен пройти испытание водой, священник должен привести его в церковь и заставить его, стоя на коленях, произнести три формулы, в которых он умоляет Бога о защите. Затем следует месса и святое причастие. Когда обвиняемый принимает облатку, священник говорит: "Да будет сия плоть Господа нашего испытанием твоим на сей день". Затем торжественной процессией толпа свидетелей направляется к месту, где должно состояться испытание. Священник колдует над водой, изгоняя демонов, присуших этой стихии, и повелевает ей быть послушным орудием Бога для выявления невинности или преступления. Обвиняемый облачается в чистые одежды, целует крест и Евангелие, произносит заклятие и совершает крестное знамение. Затем (при испытании горячей водой) его руку держат в кипящем котле: или бросают с зажатыми руками и веревкой на поясе в реку. Если он не утонет, его вина доказана. Испытание огнем заключается в хождении по раскаленным углям, переноске раскаленного железа или протаскивании через пламя в рубашке, пропитанной воском. Испытанием огнем иногда проверяют и подлинность реликвий. Когда в 1010 году н. э. несколько монахов, вернувшихся из Иерусалима, выставили полотенце, которым ученики вытерли ноги Христа, возникли некоторые сомнения в его подлинности, но все они были устранены этим испытанием. Одно из самых распространенных испытаний - поединок.

Бог, к которому взывают служители Церкви, держит свою защитную руку над невинностью. Любое сомнение в этой истине утверждает слабоволие, граничащее с атеизмом. Эта мысль лежит в основе не только различных видов испытаний, но и пыток, которые, постоянно расширяясь и усиливаясь под эгидой церкви, были формой суда, избавляющей судью от большого труда и ведущей к цели более уверенно, чем сопоставление показаний, которое не только утомительно, но и вряд ли когда-нибудь принесет полную уверенность. Шахрах, Мешах и Авденаго не чувствовали боли в огненной печи. Бог дает невинным на дыбе если не нечувствительность к боли, то, по крайней мере, силу ее переносить. Но даже архангел в определенной степени может защитить своих подданных. Поэтому в случае с еретиками и ведьмами необходимо прибегать к самым сильным пыткам, чтобы, так сказать, до последней капли истощить источники боли в человеческих нервах под рукой опытных мучителей. Если орудия пыток предварительно освящены священником, и если он стоит рядом с обвиняемым, готовый прервать постоянными вопросами дьявольские формулы облегчения, которые, несомненно, страдалец бормочет внутри себя, то можно с полным основанием ожидать чистосердечного и достоверного признания, несмотря на все усилия дьявола, направленные на обратное. В "Молоте ведьм" (Malleus Malificarum) церковно-магический план справедливости празднует свой триумф. Этот труд, получивший санкцию Папы, содержит полные указания для судьи, председательствующего на суде над ведьмами. По сути, это молот, который сокрушает все, на что падает. Судья, тщательно следующий этим указаниям, может быть уверен, что сам сатана не спасет никого из обвиняемых; только Бог и его святые ангелы могут прямым чудом спасти его от смерти в пламени^[26].

Тот, кто считает сомнительной ценность судебной системы, постоянно взывающей к заступничеству Бога, может задуматься о том, что история Церкви, опыт ее святых и служителей - это череда божественных чудес. Бог не стесняется своих чудес, когда они

признаются, а служители Церкви обладают апостольской властью и мандатом на их совершение.

Другой вопрос, как отличить божественные чудеса от inferнальных? Все попытки самых острых схоластов установить правило определенного разделения этих двух видов чудес потерпели неудачу. Они проявляются в одинаковых формах, и даже нравственное восприятие не может обнаружить разницы, поскольку сатана способен превращаться в ангела света. Разум должен признать свою неспособность даже в этом отношении и положиться на Святой Дух, вечно действующий в Церкви и особенно в ее главе. Сила божественной истины и вдохновения, излившаяся на апостолов в день Пятидесятницы, передавалась, как магнитный поток, от Петра, первого епископа Рима, его преемникам через возложение рук, и в определенной степени передается через таинство рукоположения каждому члену церковной иерархии.

Обзор магии Церкви, который был представлен выше, возможно, следует завершить, не идя по утомительному пути, который лежит перед нами через непрерывное описание церковных обычаев и мнений, а просто сформулировав общую истину: *каждый символ, каждый внешний знак, которому приписывается независимая сила для освящения и непосредственное моральное влияние, является магией*. Пусть читатель-протестант, для которого мы здесь пишем, проанализирует с помощью этой максимы, насколько Реформация, направленная на восстановление внутреннего авторитета - разума и свободной воли человека - в своих правах, преуспела в своей задаче. Лютер и Кальвин осудили многие магические обычаи и обрезали множество ветвей с дерева дуализма, но все же позволили его энергичному стволу остаться невредимым. Но дуалистическая религиозная система, в силу неразумной космической теории, на которую она опирается, рано или поздно должна вновь атаковать внутренний авторитет и сделать себя единственным и абсолютным внешним. Она неизбежно должна выродиться до фетишизма статуй или пасть перед полной унитаристской реформацией. Наш день является свидетелем конфликта между этими противоположными идеями. С одной стороны, вера в личного духовного противника человечества, проповедуемая массам с тысяч кафедр, висит, как дамоклов меч, над головой цивилизации; с другой стороны, философия и наука о природе распространяют рациональную и унитарную теорию вселенной и человеческого существования через постоянно расширяющийся круг. Тому, кто желает принять участие в этой важной борьбе, мы рекомендуем слова благородного Бунзена:^[27] "Где в религии, государстве, цивилизации, искусстве или науке внутреннее развивается более напряженно, а духовное искренне ищется, будь то с большим или меньшим преобразованием существующего, там прогресс налицо; ибо от внутреннего жизнь приходит к внешнему, от центра к окружности. Есть также путь, ведущий к жизни. Там перед душой открываются новые пути, и гений поднимает свои крылья с божественной уверенностью. Если это так, то обратное должно происходить там, где внешняя жизнь все более и более возвышается, где знак все более и более вытесняет смысл, символ и внешняя работа - внутреннее действие и совесть, где поверхностное принимается за содержание, внешнее единообразие - за жизненное единообразие, а видимость - за истину. Там ждет беспросветное будущее, каким бы ни было настоящее".

III.

МАГИЯ УЧЕНЫХ.

Мы оказались в мрачном лабиринте узких, извилистых улочек, то и дело выходящих на открытое пространство перед зданием гильдии или церковью. Предметы, встречающиеся нашему взору в этом странном городе, не вызывают у нас желания остановиться или поразмыслить, ведь во многих других городах, по которым мы бродили в поисках камня мудрости, мы видели в основном такие же дома и людей. Поэтому мы продолжаем свой путь. Говорят, что поблизости находятся здания университета, и мы сворачиваем за угол направо и снова налево, пока не наткнемся на него. Наступает час лекций. Профессора, затянутые в строгие мантии и надвинувшие схоластическую шапочку на свой в высшей степени мудрый лоб, направляются к храмам знаний, у порталов которых ждут стайки студентов. Мы узнаем их разнообразные и знакомые типы: как обычно, новоиспеченные студенты, их щеки еще хранят румянец ранней юности, их сердца еще смиренны, возможно, они все еще находятся в плену сладкого заблуждения, что стены, у которых они ждут, - это пропилеи ко всем тайнам земли и неба. Так же легко узнаваемы пергаментные черви, которым суждено однажды воссиять в качестве светочей Церкви и науки, независимо от того, трудятся ли они сейчас, бледные и меланхоличные, над своими *catenæ*, *summæ* и *sententiæ*, или с нескрываемым самодовольством несут драгоценный груз *терминов*, который так заметно возвышает их над невежественной массой смертных. А среди толпы первых, еще свежих от юности, и этих, уже высохших педантов, мы находим и прославленный третий класс студентов, авантюристов, собранных со всех концов под защитой университетских привилегий, - этих джентльменов с бородами щеками, лицами, опухшими от пьянства и покрытыми шрамами, с ужасно длинными и широкими мечами, болтающимися у них на боку, - герои той бесконечной Илиады, которую ученики и гильдии разыгрывают по ночам в темноте переулков, которые, возможно, когда-нибудь станут самыми благочестивыми настоятелями монастырей, самыми серьезными врачами и самыми суровыми бургомистрами христианства, если только до того времени не встретят свою судьбу на виселице, или на поле боя, или как *бродячие ученые* в канаве или на обочине дороги.

Войдем ли мы и послушаем некоторые из этих лекций, которые сейчас будут прочитаны? Наше академическое свидетельство откроет перед нами двери, если мы пожелаем. Слева в сводчатом зале профессор медицины начал свою лекцию. С удивительной тонкостью и проникновенностью он обсуждает крайне важный вопрос, ранее предложенный Петром де Абано, но до сих пор не получивший полного решения, - "*an caput sit factum propter cerebrum vel oculos*" (сформировалась ли голова ради мозга или ради глаз). Справа профессор богословия вводит нас в одной из неясных тайн Церкви, провентилировав вопрос о том, что бы Петр сделал с хлебом и вином, если бы он раздавал элементы, когда тело Христа в неизменной реальности еще висело на кресте.^[28] Чуть дальше в этом заплесневелом хранилище находится философская мастерская, где мастер абстрактных рассуждений выводит различие между *universalia ante rem* и *universalia in re*. В самой дальней комнате юрист объясняет отрывок из Пандектов... Или, может быть, вы предпочитаете вообще не выбирать? Вы грустно улыбаетесь. Увы! У вас, как и у меня, есть основания жаловаться на Фауста.

У меня, увы! Философия,
медицина и юриспруденция,
И, к моему стыду, теология,

с усердием изучал.

И вот я стою здесь, со всеми своими знаниями,
Бедный дурак, не мудрее, чем прежде.

И если вы добавите, как он,

Поэтому я теперь занялся магией,

Мы вернем в наши умы предмет наших горячих желаний, надежду, которая ободряет нас, что наконец-то вуаль будет сорвана с лица образа Исиды, и мы увидим Невыразимое лицом к лицу, даже если ее взгляд сожжет нас до пепла. Давайте отвернемся от этого трагикомического места обучения, где, как и везде, хриплоголовые глупцы учат молодых куриных голов восхищаться глупостями, а молодые орлиные души - отчаиваться в знаниях. Отсюда недалеко прямая дорога - настолько прямая, насколько позволяют извилистые улочки, - к великому магу, который поселился в этом городе. Присядем у ног этого мастера. Там мы утолим нашу жажду хотя бы несколькими каплями того знания, которое на протяжении многих веков течет по подземному руслу, хотя и из тех же источников, что и потоки Рая. А если нас там постигнет разочарование - что ж, тогда *вы*, если захотите, сможете утолить свою жажду истины в водовороте удовольствий и приключений. Я пойду в монастырь, забьюсь в самую тесную келью, буду смотреть, молиться, пускать кровь ручьями; или отправлюсь в Индию, сяду на землю и буду смотреть на кончик своего носа, смотреть на него и не переставать, из года в год, пока не погаснет всякое сознание. Согласен, не так ли?
....

Мы прибыли в самый одинокий квартал города и в самые унылые его пределы, где старые разваливающиеся дома в неразрывной путанице стоят вдоль городской стены, а из их двускатных окон устремлены пустые, ипохондрические взгляды на открытые поля за ее пределами. Башня, венчающая стену форта с этой стороны, теперь служит великому ученому обсерваторией и жильем, подаренным ему бургомистром и советом города. Долгое время он был личным врачом королевы Франции, но теперь удалился в это уединенное место от удовольствий, отличий и опасностей придворной жизни, чтобы спокойно посвятить себя исследованиям и учебе. У него есть покровитель в лице проживающего в городе принца-архиепископа ; а поскольку профессор теологии по просьбе этого же принца-епископа засвидетельствовал его строгую ортодоксальность, городские власти решили убедить его получить почетную и прибыльную должность городского астролога, не обращая внимания на утверждения монахов, что он волшебник, а его черный спаниель на самом деле не кто иной, как сам дьявол.

Маг никогда не позволяет прервать свои труды, будь то созерцание природы духов, наблюдение за небесами или выработка с помощью тиглей *quinta essentia*, конечной сущности. О! Какие всемирные надежды, какие торжественные эмоции, какое невыразимое напряжение души должны сопровождать эти исследования! Золото, которое правит миром, здесь падает с древа познания, как перезрелый плод, в лоно мастера. И что такое золото со всей властью, которой оно обладает, и всеми наслаждениями, которыми оно повелевает, по сравнению со способностью управлять небом и землей и адскими духами, по сравнению со способностью вызывать с помощью люстраций, печатей, символов и экзорцизма ангелов, парящих в высших сферах, или приручать к повиновению демонов, заполняющих безбрежный космос? И что такое эта сила по сравнению с чистым небесным знанием, к которому магия дает ключ? Знание, настолько превосходящее мудрость ангелов, насколько место сына в доме отца превосходит место слуги! Возможно, в этот самый момент маг глубоко погружен в какое-то исследование и находится на волосок от раскрытия какой-то

новой и ослепительной истины. Давайте подумаем, прежде чем осмелимся попросить разрешения войти. Давайте остановимся на мгновение перед этой окованной железом дверью и восстановим дыхание.

Вы, ученые девятнадцатого века, какими бы вы были несчастными, если бы однажды не решили ограничить свои надежды до минимума! Умереть, собрав всего лишь одну соломинку в урожай науки, - вот судьба, которой вы себя подвергаете. Тот из вас, кто обратил внимание на доселе неизвестную улитку или цветок, считает, что жил не зря. Открыть формулу, по которой можно упорядочить группу явлений, - уже триумф. Эта покорность, которая делает каждого из вас, даже самого великого, лишь незначительной рабочей деталью в огромном труде, завершение которого вы наблюдаете на бесконечном расстоянии, а сами очертания которого вы игнорируете, - эта покорность возвышенна, хотя и крайне болезненна для стремящейся души. Индивидуальный труженик, со своей стороны, воздерживается от всякой надежды увидеть всю истину и работает для своего поколения и будущего. Даже тот философ, который берется объяснить устройство макрокосма, видит в своей системе не окончательное решение "проблемы космического объяснения", а лишь звено в длинной цепи развития. Он предвидит падение своих теорий, довольствуясь, возможно, тем, что следы его ошибок удержат его преемника на более прямом пути. Именно раса, а не индивидуум, работает в вашем деле; она продолжает его, когда вы устали и забыты. Это коллективная деятельность, как у муравьев и пчел. Но маг стоит один! Конечно, он получает то, что может предложить прошлое, - но только для того, чтобы заключить себя в эти сокровища и улучшить их за счет огромного богатства своего собственного разума. Он верит в эту безбрежность. Он верит, что силы всех поколений хранятся в лоне отдельного человека, и надеется в одиночку совершить то, что вы, слабонервные, оставляете на долю множества неисчислимых веков!

Мы постучали в дверь, громоздящуюся на железных засовах. Она открылась как по мановению чьей-то невидимой руки. Никто из слуг не поприветствовал нас и не стал пререкаться, пока мы поднимались по темной винтовой лестнице. Без предупреждения мы вошли в зал великого мага. Вдоль сводчатого потолка комнаты, зеленые свинцовые стекла окон которой пропускали лишь скудный свет, плыл ароматный пар из камеры на дальнем плане, где мы могли разглядеть самого мага, облаченного в белоснежную мантию до пят и торжественно стоящего у алтаря с благовониями. На голове у него была диадема, на которой было выгравировано непроизносимое имя *Тетраграмматон*, а в руке он держал металлическую пластину, которая, как мы вскоре узнали, была сделана из электрума и подписана подписями грядущих веков.

Мы остановились и, заикаясь, просили прощения за то, что помешали ему. На его лице появилась улыбка удовлетворения, когда он окинул нас взглядом и поприветствовал.

"Вы именно те, чьего приезда я ожидал и кого мне стоило большого труда позвать", - сказал он. "Вы - духи девятнадцатого века, призванные предстать перед человеком пятнадцатого. Вы вызваны из предбанников, где души нерожденных ожидают своего появления на земле. Но в глубинах вашего сознания живут образы того века, к которому принадлежит ваша будущая земная жизнь. Эти образы вы должны показать мне. Именно для этого я вызвал вас, ибо хочу заглянуть в будущее".

Меня охватило странное, почти ужасное чувство. Я вспомнил, что я и мои спутники с помощью средств, возбуждающих все репродуктивные силы воображения, перенесли себя

из настоящего девятнадцатого века в давно прошедший пятнадцатый, чтобы увидеть его живым на наших глазах, не в разрозненных чертах, как принято сохранять прошлую эпоху в книгах, а в полноте ее многообразия. Кто был прав - маг или я сам? Кто был тем единственным, кто, казалось бы, жил, - он или я? На какой час указывала стрелка на часах времени в этот момент? Допустим, что время - это всего лишь концептуальная форма, не имеющая самостоятельной реальности; пока я живу во времени, я верю в его упорядоченный ход и не желаю, чтобы его золотая нить запутывалась. Я не хотел, чтобы вызванный мною дух стал моим хозяином и низвел меня до продукта своего воображения. Я набрался храбрости и воскликнул.

"Мы обошли много городов, великий маг, чтобы найти тебя. Наконец мы стоим в этом твоём святилище. Мы видим эти мрачные готические арки над нашими головами; мы видим перед собой твою почтенную фигуру; мы видим эти фолианты и странные инструменты, которые окружают тебя; мы смотрим в эти окна и видим с одной стороны башни и вершины домов, с другой - поля, луга и хижины крепостных, а там, вдали, замок рыцаря, которого подозревают в ночных нападениях на поезда купцов, когда они приближаются к городу. Все это реально и присутствует перед нашими глазами: но, тем не менее, великий маг, все это, включая тебя самого, - плод *нашей* магии, силы нашего воображения, а не *твоей* магии. Именно для того, чтобы немного познакомиться с ней, мы и пришли. Не мы должны отвечать на ваши вопросы, а вы на наши".

Маг улыбнулся. Он продолжал придерживаться своей точки зрения, а я - своей. Спорный вопрос не был решен, и он был отложен в сторону. Но вместе с сознанием того, что я принадлежу к периоду критической активности, пробудились и мои сомнения - еще минуту назад живая надежда найти в магии ключ ко всем тайнам стремительно угасала.

Я огляделся в этом доме мага. На письменном столе лежал пергамент, на котором он начал записывать гороскоп на следующий год. Рядом с письменным столом стоял небесный глобус с фигурами, раскрашенными в разные цвета. В окне, выходящем на юг, висела астрология, к алидаде которой был прикреплен длинный телескоп (разумеется, без линз). В книжном шкафу лежало немалое количество фолиантов: *Versio Vulgata*, несколько томов святых отцов, Вергилий, Дионисий Ареопagit, Птолемей, гимны Орфея, Гермеса Трисмегиста, Ямблиха, "Естественная история" Плиния, множество сочинений на арабском языке по астрологии и алхимии, несколько рукописей на иврите и так далее. Эти и другие подобные вещи можно было найти в его обсерватории, которая также была его мастерской и спальней. Рядом с обсерваторией находилась алхимическая лаборатория со странно устроенной печью, наполненной необычными инструментами, вновь напомнившими мне жалобу Фауста: - *Ihr Instrumente freichich*.

Ihr Instrumente freilich spottet mein,

Рад и Кеммен, Вальц и Бюгель.

Я стою на Торе, а он должен быть Шлюсселем;

Zwar euer Bart ist kraus, doch hebt Ihr nicht die Riegel.

Пока мы здесь задерживались, наш хозяин сообщил нам, что на данный момент он приостановил свои эксперименты в области алхимии. Он надеется найти свою *quinta essentia* более коротким путем, чем соединение веществ и дистилляция, которые истощили уже столько исследователей и привели к успеху столь немногих. Он признавал, что сам не продвинулся в искусстве адептов дальше извлечения из "философской земли", смешанной с "философской водой", лишь такого количества золота, которое он использовал в начале эксперимента.^[29] Несмотря на это, он ежедневно работал перед своей печью, плавя и

очищая металлы, необходимые ему для его планетарных медальонов, амулетов и магических колец, и прежде всего для приготовления того эффективного сплава, который называется электричеством.

Из его лаборатории хозяин провел нас в две другие квартиры с арочными потолками, представлявшие собой своего рода музей необычайных диковинок, - скелетов и высушенных конечностей различных животных: рыб, птиц, ящериц, лягушек, змей и т. д.; трав и разноцветных камней; целых и сломанных мечей; гвоздей, извлеченных из гробов и виселиц; колб, содержащих неизвестно что, - все это было разложено по группам под знаками различных планет. Перед нами предстал удивительный и богатый аппарат практической магии, устроенный по правилам, о которых мы совершенно не знали, - правилам, которые мы тщетно искали во всех трактатах по оккультным наукам Средневековья, правилам, которые, возможно, содержали бы простые принципы, лежащие в основе их путаницы.

Близился вечер. Солнце опускалось за западные холмы. Начинало темнеть среди сводов, где великий маг заключил себя среди мертвых и увядших реликвий, - осколков, вырванных из великого и живого мира без него. Мы вернулись в его обсерваторию. Он открыл окно и мечтательным взглядом созерцал звезды, которые одна за другой зажигались на небосводе. Сумерки - благоприятное время для беседы, к которой мы готовились. Вскоре мы расположились в удобных, просторных креслах и оживленно беседовали - мы, человек пятнадцатого века, и нерожденные души девятнадцатого, которых он призвал, чтобы заглянуть в будущее, и которые теперь с его помощью заглядывали в прошлое. Он говорил нам о своей науке....

"Я знаю не только себя. Далеко-далеко за этими холмами, за снежными вершинами Альп, за горами "самых дальних Гарамантов", на безымянных высотах, исчезающих среди облаков, давным-давно был построен храм истины над фонтаном, из которого течет жизнь. Что храм этот разрушен, мы хорошо знаем; лишь первая человеческая пара бродила по его священным залам. Но тот, кто желает, кто жаждет и терпит, может сесть на краю потока Времени, схватить и вытащить на берег несколько кедровых балок из разрушенного храма, дрейфующего на волнах, и по форме фрагментов определить строение целого. Всякая мудрость уходит корнями в прошлое, и чем дальше мы проникаем в древность, тем более богатые остатки высшей человеческой мудрости мы находим. Что такое Альбертус Магнус с его глубокими познаниями по сравнению с ангельской мудростью Дионисия Ареопагита, и что такое последняя по сравнению с мудростью пророка, который провозглашал свои горести над Ниневией и Вавилоном? И все же эти уполномоченные Богом люди с радостью получили бы уроки от семидесяти старцев, которым было позволено вместе с Моисеем подойти к горе, где Бог решил явить себя, и там получить мистическое знание Кабалы. Однако на Синае тайна Бога была завуалирована облаками, молниями и ужасом; самому Моисею было позволено увидеть его только "со спины" - он получил не утреннее знание (знание *a priori*, назвал бы это ищущий аналогий ученик Шеллинга), а вечернее (знание *a posteriori*, добавил бы он). Утреннее знание было явлено только человеку на заре времен и погасло в первом грехе. С тех пор каждое последующее поколение ухудшалось по сравнению со своим предшественником:

*"Aetas parentum, pejor avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vitiosiore"*.

И вместе с тьмой греха разум погружается все более в черные глубины. Отдельный искатель истины может обрести просветление, но только для себя, а не для всего человечества.

Поэтому маг ограничивает приобретенную им мудрость своим собственным лоном, или передает ее одному ученику, или хоронит ее под неясными выражениями, которые он заносит на пергамент; но он не может и не хочет передавать ее без остатка человечеству, чей путь, похоже, ведет вниз, в постоянно углубляющуюся ночь.

"Даже богословы говорят о первоизданной мудрости, - богословы, с которыми мы, практикующие оккультную науку, согласны гораздо больше, чем думают простые и подозрительные люди. То, что осталось от первоизданной мудрости во времена Ноя, было спасено вместе с ним в ковчеге. Его первенец получил в удел самую прекрасную мудрость. Пророчество, Кабала и Евангелие принадлежат сыновьям Шема, евреям. Но даже Хам и Иафет не остались обделенными. Именно жрец сыновей Хама хранил секреты Исида, перед которыми даже мы, христиане, должны склониться в прахе; ведь Ветхий Завет без колебаний превозносит мудрость египтян и признает Моисея учеником из их школы. Гермес Трисмегист был египтянином, и мы, маги, знающие, что он превращал в золото и драгоценные камни все, что пожелает, не удивляемся, когда апостол Павел говорит о сокровищах Египта, или когда путешественники рассказывают о его пирамидах и других гигантских сооружениях, или когда Плиний оценивает число его городов в двадцать тысяч, или когда Марцеллин поражается огромным сокровищам, которые Камбиз унес из него, ибо все это было творением искусства Гермеса Трисмегиста.^[30] Даже доля детей Иафета не была незначительной. Она была разделена между сокровищницей Зороастра и сокровищницей Элевсинских мистерий. Некоторые монеты из этого клада попали в руки Платона и Аристотеля, а от них перешли во владение Порфирия, Ямблиха, теософов и схоластов. Именно это рассеянное освещение - Библия (ее внутренний, тайный смысл), Кабала и фрагменты египетской, персидской и греческой мудрости - собраны и объединены в магию познания. Это прародители моей науки. Разве ее родословная не благороднее, чем у любой королевской семьи?

"Я слышал, как вы говорили о том, что наука должна быть исследована без предпосылок. Так неужели вы возьмете на себя право судить обо всем, что думали, во что верили прошлые поколения и что передавалось как священное наследие последующим? Неужели вы не содрогнетесь при мысли о том, что человеческий голод по истине от Адама до наших дней удовлетворялся лишь иллюзиями? Что вы - дети и дети детей простых идиотов, которые возлагали свои надежды, верили и убеждали себя на необоснованную ложь? Подвергните испытанию ваш безбожный план расследования! Сделайте это открыто, и богословы сожгут вас! Сделайте это тайно, и в конце концов вы будете жаждать кола как освободителя от ужасной пустоты, которую такая наука оставит в вашей собственной душе! Нет, маг верит так же преданно, как и богослов. Только в мягких сумерках веры он может приступить к тем операциям, успех которых подтверждает истинность его веры. Или вам нужно более веское подтверждение истинности его догматов, чем то, что я нахожу, когда читаю на звездах, которые бесшумно проплывают мимо моего окна, судьбы людей и вижу, как эти судьбы свершаются; когда, используя магические средства, я призываю ангелов, демонов и души умерших и нерожденных людей явиться пред мои очи, и они появляются?

"Я признаю, что наша наука, если смотреть на нее только внешне, напоминает пестрый ковер с искусно переплетенными нитями; но как для создания самой замечательной текстуры требуется лишь ограниченное число манипуляций, так и все доктрины и продукты магии поддерживаются лишь несколькими простыми мыслями.

"То, что вселенная представляет собой тройную гармонию, как Божество - Троицу, вам известно. Мы живем в элементарном мире; над нашей головой вращается небесный космос с его разнообразными сферами; и, наконец, над ним, в чисто духовном мире идей,

возвышается Бог. Несчастные ученые вашего века в своих узких предрассудках отделили эти миры друг от друга (правда, сместив вместе небесный и элементарный). Ваши так называемые ученики природы исследуют только элементарный мир, а ваши так называемые философы - только идеальный; но первые при всем их углублении в различные формы материи никогда не достигают царства духовного, а скорее вынуждены отрицать его существование; а вторые никогда не могут из тусклого мира идей вызвать конкретное богатство природы. Напрасно ваши студенты-натуралисты воображают, что в физиологии, или ваши философы - что в антропологии они найдут переход из одного мира в другой. Мы, маги, напротив, изучаем эти миры как единое целое. Мы находим их объединенными двумя могучими узами: соответствия и причинности. Все вещи элементарного мира имеют свой антитип в небесном, а все небесные вещи имеют свои соответствующие идеи. Эти соответствия нанизаны сверху вниз, как струны на арфе Вселенной, и на этой арфе причинно-следственные связи движутся вверх и вниз, как пальцы игрока. В то время как ваши студенты, изучающие природу, ищут цепи причинности только в одном направлении, горизонтальном, которое проходит через вещи на одном уровне, которое соединяет вещи в одном и том же элементарном мире; мы, студенты магии, ищем с еще большим усердием те перпендикулярные цепи причинности, которые проходят через соответствующие объекты в трех мирах и объединяют их. Наша манера исследовать эти перпендикулярные ряды мало напоминает ваш метод исследования горизонтальных, если вообще. Какие ненужные хлопоты доставляет вам ваша индукция! Вы хотите, например, исследовать природу какого-нибудь проявления силы; вы с большой кропотливостью анализируете ее на различные факторы, стремитесь выделить каждый из этих факторов и заставить их действовать каждый в своей роли, чтобы выяснить, какой вклад каждый из них внес в общее проявление силы. Мы не встречаем подобных препятствий. Тайная традиция представила нам наши перпендикулярные линии причинности почти целиком, и мы можем заполнить пробелы этой традиции с помощью исследования, которое не сопряжено с большими трудностями. Это исследование опирается на сходство вещей, поскольку это сходство вытекает из соответствия, а причинность переплетается с соответствием. Так, например, по сходству между блеском золота и солнца мы можем судить, что золото имеет свое небесное соответствие в этом светиле и поддерживает с ним причинно-следственную связь. Другой пример: двурогий жук находится в причинно-следственной связи с Луной, которая при своем росте и убывании также двурога; и если бы существовали какие-либо сомнения в этой тесной связи между ними, они должны исчезнуть, когда мы узнаем, что жук прячет свои яйца в земле в течение двадцати восьми дней, или именно столько времени требуется для прохождения Луны через Зодиак, но выкапывает их снова на двадцать девятый день, когда Луна находится в соединении с Солнцем.^[31] Не улыбайтесь этому методу исследования! Остерегайтесь повторить ошибку, которую так склонен совершать "здравый смысл", усматривая абсурд в истинах, оказавшихся за его горизонтом? Наш метод основан на идее, что в природе нет ничего случайного. Конечно, мы допускаем божественный произвол, но ни в коем случае не природную случайность. Даже малейшее сходство между существующими объектами не является бессмысленной случайностью! Даже малейший штрих в фигурах, которыми мы фиксируем наши слова и мысли в письменном виде, не лишен глубокого значения. Каждая вещь в творении природы и человека имеет свою причину и свое следствие. Мы не можем сделать жест или произнести слово, не передавая вибрации всей вселенной, как вверх, так и вниз, - вибрации, которые могут быть сильными или слабыми, ощутимыми или неосязаемыми. Этот принцип проходит через всю нашу космическую систему, и эта мысль должна быть верна даже для вас, анализаторов.

"Прежде чем объяснить более подробно магическое использование наших серий соответствия и причинности, я хочу показать вам несколько из них. Я выберу самую простую, но в то же время самую важную. Я начинаю с

Шкала Священной Тетрады (таблица I.).

Из нее можно найти соответствия четверем элементам.

Сайт Мир из Архетипы и Блаженство.	π π				Имя Бога (Иегова) из четырех букв.
The Небесный Мир.	Серафим, Херувимы, Престолы.	Господства, Державы, Империи.	Княжества, Архангелы, Ангелы.	Святые, Мученики, Исповедники .	Четыре тройственнос ти небесной иерархии.
	Михаил.	Рафаил.	Гавриил.	Уриил.	Четыре ангела, хранители четырех карт. точек.
	Сераф.	Херувим.	Тарсис.	Ариэль.	Ангелы, управляющи е стихиями.
	Овен, Лев, Стрелец. Марс, Солнце.	Близнецы, Весы, Водолей. Юпитер, Венера.	Рак, Скорпион, Рыбы. Сатурн, Меркурий.	Телец, Дева, Козерог. Неподвижны е звезды, Луна.	Четыре тройки Зодиака. Звезды и планеты, связанные со стихиями.
Сайт Элементарны й Мир.	Свет.	Прозрачнос ть.	Активность.	Твердость.	Четыре качества небесных элементов.
	Огонь.	Воздух.	Вода.	Земля.	Четыре элемента.
	Тепло.	Влажность.	Холод.	Засушливост ь.	Четыре качества стихий.
	Лето.	Весна.	Зима.	Осень.	Четыре времени года.
	Восток.	Запад.	Север.	Юг.	Четыре карт. пункта.
	Животные.	Травы.	Металлы.	Камни.	Четыре вида смешанных

	Ходячие.	Летающие.	Плавающие.	Ползающие.	тел. Четыре вида животных.
	Зародыш.	Цветок.	Листья.	Корень.	Части растений, связанные со стихиями.
	Золото, железо.	Медь, Олово.	Зыбучее серебро.	Свинец, серебро.	Металлы, соответствующие стихиям.
	Сияющие и Горящие.	Светлые и Прозрачный.	Прозрачный и Твердый.	Тяжелый и непрозрачный.	Камни, соответствующие элементам.
Микрокосмос	Вера.	Наука.	Мнение.	Опыт.	Четыре принципа суждения.
	Холерик.	Сангвиник.	Флегматик.	Меланхолик.	Темпераменты.
Ад.	Самаэль.	Азazelь.	Азаэль.	Мехазаэль.	Князья злых духов, бушующих в стихиях.
	Ориенс.	Паймон.	Эгин.	Амаймон.	Демоны, управляющие четырьмя карточными очками.

"Здесь вы видите одну из сетей, которые магия протянула от Эмпирея вниз, в бездну. Для каждого из священных чисел существует отдельная шкала того же рода: "Вселенная, - говорит Пифагор, - основана на числах", а Бозций утверждает, что "каждая вещь, созданная в начале времен, была сформирована в соответствии с отношениями определенных чисел, которые лежали как типы в уме Творца". Следовательно, для нас является непреложным фактом, что числа содержат в себе большую и более действенную силу, чем материальные вещи; ведь первые не являются смесью субстанций, но могут, как чисто формальные сущности, находиться в непосредственной связи с идеями божественного разума. Это признается и отцами: Иеронимом, Августином, Амвросием, Афанасием, Бедой и другими, и лежит в основе этих слов в Откровении: "Имеющий разум да сочтет число зверя". Те разнообразные и относительно несогласованные объекты, которые образуют единство в одном и том же мире, располагаются рядом в шкале ; тогда как те вещи, которые в разных группах или разных мирах соответствуют друг другу, образуют восходящий и нисходящий ряд.

"Не забывайте, что соответствие также подразумевает взаимную активность! Так, например, буква Ѡ в святом имени Бога указывает на силу, которая вливается в последовательные

порядки Серафимов, Херувимов и Престолов и через них передается созвездиям Льва и Стрельца, а также двум блуждающим светилам - Марсу и Солнцу. Все эти ангелы и звезды изливают в элементарный мир изобилие своей силы, которая порождает там огонь и тепло, зародыши животных организмов, разжигает в человеке разум и веру, чтобы в конце концов встретить в низшей области свои противоположности: холод, разрушение, неразумие, неверие, представленные именами падших ангелов-принцев. Теперь я покажу вам другую таблицу, которая является введением в изучение астрологии и более подробно рассматривает некоторые части предыдущей, показывая, как вещи в элементарном мире и микрокосме подчиняются планетам. Показывая ее, я напомним вам стих:

'Astra regunt hominem; sed regit astra Deus.'

(Звезды ведут человека; но Бог ведет звезды).

(Таблица II.)

	ЛУНА.	МЕРКУРИЙ.	ВЕНУС.	СОЛНЦЕ.	МАРС.	ЮПИТЕР.	САТУРН.
Элементы.	Земля, Вода.	Вода.	Воздух, Вода.	Огонь.	Огонь.	Воздух.	Земля, Вода.
Микрокосмос	Белые соки.	Смешанные соки.	Слизистые соки.	Кровь и жизненная сила.	Кислотные соки.	Растительные соки.	Желчь.
Животные.	Общительные и изменчивые.	Хитрые и стремительные.	Красивые с сильным сексуальным инстинктом.	Смелый и мужественные.	Хищные звери.	Проворные и нежные.	Ползучие и ночные.
Растения.	Селенитоп, Пальма, иссоп, Розмарин, и т.д.	Маленькие короткие листья и множество разноцветных цветов.	Пряные и фруктовые деревья.	Сосна, лавр, Виноградная лоза, гелиотроп, Лотос и т.д.	Жгучие, ядовитый, и жгучие.	Дуб, бук, Тополь, злаки, и т.д.	Кипарис и те, что имеют мрачный вид или с неприятным запахом.
Металлы.	Серебро.	Зыбучее серебро, Олово, висмут.	Серебро.	Золото.	Железо и сернистые металлы.	Золото, серебро, Олово.	Свинец.
Камни.	Все белые камни и жемчуг.	Много цветных.	Сердолик, лазурит и т.д.	Топаз, рубин, Карбункул и др.	Алмаз, яшма, Аметист, Магнит.	Зеленые и воздушно-го цвета.	Оникс и все коричневые глины.

Ценность этих, как и многих других таблиц, станет вам понятна, когда я озвучу первый практический принцип магии: "Как Творец вселенной распространяет на нас силы своего всемогущества с помощью ангелов, звезд, элементов, животных, растений, металлов и камней, так и мы распространяем его на всех.

"Как Творец Вселенной распространяет на нас, посредством ангелов, звезд, элементов, животных, растений, металлов и камней, силы своего всемогущества, так и маг, собирая в элементарном мире те предметы, которые имеют отношение взаимной активности к одному и тому же существу (ангелу или планете) в высших мирах, и, сочетая их силы по научным правилам, и усиливая их посредством священных и религиозных церемоний, способен влиять на это высшее существо и привлекать к себе его силы.

"Этот принцип в достаточной степени объясняет, почему я собрал вокруг себя все те странные вещи, которые вы здесь видите. Вот, например, пластина из свинца, на которой выгравирован символ планеты, а рядом с ней свинцовая колба, содержащая желчь. Если я теперь возьму кусок тонкого оникса с тем же символом планеты и эту высушенную кипарисовую ветвь, добавлю к ним кожу змеи и перо совы, вам достаточно будет заглянуть в одну из приведенных таблиц, чтобы понять, что я лишь собрал в элементарном мире различные вещи, которые имеют отношение взаимной активности к Сатурну и, если их правильно соединить, могут привлечь как силы этой планеты, так и ангелов, с которыми она связана.

"Величайший эффект магии - одновременно и ее триумф, и критерий ее истинности - это успешное заклинание. Проведем ли мы его? Если мы пройдем через все необходимые приготовления, то сможем увидеть всю тайную науку с высоты птичьего полета. Только некоторые алхимики преследуют еще более великую цель; они стремятся получить в реторте самого человека, а может быть, и весь мир. Вы, люди девятнадцатого века, только по репутации знаете о наших попытках создать *гомункулуса* и *perpetuum mobile naturæ*. Могли бы вы только подсчитать, сколько капель пота выжали из нас эти попытки! В алхимии есть что-то чарующее, что-то всепоглощающее. Она гигантская по своим целям, а в ее глубинах обитает мысль, которая ужасна, потому что грозит сокрушить ту самую космическую философию, на которой основана наша вера. Мы занимаемся элементами, пока нас не осеняет мысль, что все вещи зависят от них; что все вещи, созданные и сотворенные, включены в них; что все вещи возникают по необходимости и исчезают по необходимости. Если вы только сможете собрать в тигле те элементы и микроорганизмы жизни, которые перемешивались в хаосе, то вы также сможете произвести в тигле шесть дней творения и найти дух, который сформировал вселенную. Я оставил алхимию только для того, чтобы избежать этой мысли; но пергаментное завещание, запечатанное семью печатями и спрятанное в самом потайном углу моих хранилищ, содержит замечательные опыты, которые я проводил, экспериментируя с *вечным двигателем* и *гомункулу*сом.^[32]

"Но к подготовке к колдовству! Сначала нас ждет вопрос: Благоприятен ли час? Противоположны ли аспекты? Аспекты - это относительное положение двух планет друг к другу. Все календари веков, которые лежат между мной и вами, говорят об этих аспектах: о соединении планет (когда они находятся на одном меридиане, а значит, их не разделяет угловое расстояние); об их противостоянии (когда они находятся в прямо противоположной части небес); об их квадратуре (расстояние 90°), тригоне (120°) и гексагоне (60°). Если кроваво-красный Марс или бледный Сатурн находятся в квадратуре или оппозиции друг к

другу или к любой из других блуждающих звезд, это предвещает гибель. Но сегодня обе эти планеты безвредны; аспекты хорошие, а сам Марс, находящийся в первом "лице" своего собственного дома, [33] следовательно, даже благосклонен. Даже Луна, чья помощь необходима, находится в доме дружественной звезды и в благоприятной квадратуре к Юпитеру. Следовательно, здесь мы не встретим никаких препятствий. Однако со стороны астрологии остается выяснить, какие планеты являются регентами текущего года. Другими словами, какие планеты формируют первый аспект года. Посмотрите на мой календарь. Марс - одна из них. Это тем более подходит нам, что сегодня вторник, день Марса, и скоро наступит час, когда он будет абсолютно верховодить в этот день. [34] Поэтому важно, чтобы мы использовали в наших заклинаниях боевую часть моего магического аппарата. Среди элементов огонь является боевым. Поэтому мы разожжем огонь на этом алтаре. Среди планет колючие, ядовитые и крапивоподобные - боевые. Поэтому мы будем питать этот огонь сухими ветками и кустами роз. Среди животных свирепые и смелые связаны с кроваво-красной звездой. Здесь вы видите три пояса из львиной шкуры, окаймленные зубами тигров, леопардов и медведей, и снабженные железными застегивками, потому что железо - боевой металл. Давайте закрепим эти пояса, когда придет время, на наших талиях. Из камней боевыми являются алмаз, аметист, яшма и магнит. Я показываю вам три диадемы, которые, хотя и сделаны из чистого железа, сверкают этими камнями и снабжены знаками и подписями нашей планеты. Вот три железных посоха, отмеченных теми же знаками: мы должны носить их в руках. Эти нагрудные пластины, усыпанные аметистами, чьи еврейские надписи и знаки относятся к тем же звездам, мы должны носить над сердцем, на внешней стороне белой одежды, которую мы наденем перед началом нашего заклинания. Здесь вы снова заметите три бриллиантовых кольца: мы должны носить их на среднем пальце во время торжественного и ужасного момента, к которому мы готовимся. Эти два колокольчика мы положим на стол; один из красноватого сплава, снабженный железными кольцами, призывает сюда боевой дух, другой, сделанный из *electrum magicum* (то есть пропорционального сплава всех металлов с добавлением астральной настойки), служит для вызова небесных резервных сил всех видов, если потребуется. Далее, нам нужны эти нагрудные пластины и эти кольца из электрума, на которых написано не имя какой-либо планеты, а славное и благословенное имя самого Бога, как защита для колдунов от колдовского духа. Кто он такой, мы скоро узнаем. Обратите внимание на страшный арсенал, который также необходим для нашей цели. Марс - звезда войны, убийства и страсти. Демоны Марса имеют соответствующую природу, и между ними и инструментами, с помощью которых они выполняют свою работу на земле, существует сила притяжения. Поэтому мы держим здесь этот тяжелый меч, которым должен быть очерчен магический круг; поэтому мы кладем рядами эти черепа и кости, собранные в местах казни, эти гвозди, извлеченные из виселиц, эти кинжалы, ножи и топоры, заржавевшие от пятен крови. Не стоит забывать и о благовониях, которые возжигались на алтаре незадолго до первой казни. Для каждой планеты и ее демонов существует свой вид благовоний. Тот, что подходит для Марса, состоит из эуфорбии, бделлия, аммиака, магнита, серы, мозгов ворона, человеческой крови и крови черной кошки. [35] Очень важно, чтобы качество этого благовония было подлинным. Я мог бы процитировать слова Порфирия по этому поводу, но ограничусь тем, что укажу, что он оказывает влияние как на колдуна, так и на окружающие предметы. Он насыщает воздух и грудь заклинателя веществами, связанными с планетой и ее демонами. Она притягивает к себе колдующего и опьяняет его, как бы одурманивая божественными влияниями, которые действуют на его разум и воображение. Кроме того, мы должны подготовить такие предметы, которые необходимы в каждом заклинании и не имеют никакого отношения к определенной планете. К ним относятся амулеты, на которых начертаны имена серафимов, херувимов и тронов, а также фразы из Библии и священных книг Зороастра. К ним же относятся

магический подсвечник из электрума с семью ветвями, каждая из которых несет знак планеты; и, прежде всего, пентаграммы, фигуры с тонкими точками, которые не может переступить ни один демон. Последние мы разместим в качестве линии укрепления вокруг магического круга, и мы должны быть уверены, что ни одна из точек не будет нарушена. Внутри круга между столом, семисвечником и жертвенником для благовоний есть место для треножника с чашей святой воды и кропилом.

"Приготовив таким образом все необходимое для нашего праздника, давайте подумаем о госте, которого нам предстоит пригласить.

"Вечерний воздух прохладен. Я закрываю окно, переносу свою кабинетную лампу на этот стол и прошу вас расположиться вокруг него. Мы должны посоветоваться относительно приглашения, в котором мы должны следовать указаниям, данным в этом кабалистическом манускрипте.

"Из таблицы, которую я вам впервые показал, вы узнали, что именно ордена Серафимов, Херувимов и Престолов связаны взаимной активностью с Марсом. Но эти три ордена составляют высшую небесную иерархию, которая постоянно пребывает в присутствии Бога и не может быть вызвана сюда, даже если бы мы были в состоянии сделать это. Мы можем лишь обратиться к ним за помощью. Ордена Доминионов, Держав и Империй - единственные разумные существа, связанные со звездами. Среди них мы должны обратиться к духам Марса, поскольку Марс является регентом этого года, этого дня и задуманного заклинания. Выбор между *добрыми* и *злыми* духами, управляемыми Марсом, остается открытым; но поскольку наша цель - не вызывать с помощью мольбы, а принуждать с помощью колдовства, мы должны выбрать злых. Это не грех: это лишь опасность. Добрым ангелам доставляет радость видеть силу образа Божьего над их противниками. Но мы не можем заставить все воинство демонов Марса явиться в наш круг. Мы должны выбрать *лишь одного* из их легиона, и этот один должен быть хорошо подобран. Поэтому необходимо знать его имя, ибо у духов, в гораздо большей степени, чем у людей и земных вещей, имя подразумевает сущность и качества названного. Кабала учит нас бесконечному значению слов и имен. Она провозглашает и демонстрирует тайны, заключенные во всех святых именах Бога; она открывает нам тайны в обращениях ангелов; она показывает нам, что даже имена людей тесно связаны с местом в творении и временной судьбой тех, кто их носит. Даже в названиях материальных вещей прослеживается, хотя и не столь отчетливо, связь между звуком и самой вещью или ее природой. Кто может услышать, например, слова *wind*, or *swing*, не воспринимая в самом звуке нечто воздушное или колеблющееся? Кто может услышать слова *stand*, *strong* без восприятия чего-то стабильного и твердого?

"Давайте поспешим узнать имя демона, которого нужно вызвать. Астрология, как и Кабала, дает для этого различные методы. [36\]](#) Выберем самый простой, который, возможно, является и самым эффективным.

"В начале нашей работы я должен указать на значение числа 72. Это число соответствует семидесяти двум языкам, семидесяти двум старейшинам синагоги, семидесяти двум толкователям Ветхого Завета и семидесяти двум ученикам нашего Господа. Это число также тесно связано со священным числом двенадцать. Если двенадцать знаков Зодиака разделить на шесть частей, то мы получим семьдесят два так называемых небесных квинария, в которые вливают свою силу семьдесят два мистических имени Бога, его "*схиамфоры*", и каждый из которых возглавляется ангелом-принцем. Это же число соответствует суставам человеческого каркаса; есть и множество других соответствий.

"Так вот, пока кабалисты докапывались до священного внутреннего смысла Библии; пока они шли медленно, начиная с "В начале" и останавливаясь на каждом слове, каждой букве, и находили в каждом слове и каждой букве целую шахту тайн,^[37] они наконец, прошествии веков, дошли до 19-го стиха 14-й главы Исхода, начинающегося словами: "И встал Ангел Божий, который шел перед станом Израиля". Кабалистическое правило, согласно которому везде, где в Библии говорится об ангеле, среди еврейских букв стиха спрятано и имя ангела, побудило их остановиться и подумать. Поначалу они даже не подозревали о необычном открытии, которое им предстояло сделать. Но их внимание привлек тот факт, что в стихе было семьдесят две буквы (в еврейском тексте). Еще больше они удивились, когда обнаружили, что и следующий, 20-й стих содержит ровно семьдесят две буквы, а затем удивление переросло в благоговение, когда и в 21-м стихе оказалось то же самое число. В Библии нет случайностей: здесь был скрыт великий секрет. Наконец, расположив три стиха буква в букву (средний стих написан слева направо, остальные - наоборот) друг над другом, удалось обнаружить семьдесят два мистических имени Бога - "*схиамфоры*", каждое из которых состояло из трех букв, взятых из этих трех стихов. Эти имена, снабженные суффиксом *el* или *jah*, являются также именами семидесяти двух квинарных ангелов, о которых Бог сказал, что его имя в них.

"Здесь, в кабалистическом манускрипте, сохранились эти имена. Давайте выберем одно из них наугад. Мой взгляд случайно падает на *Мизраэля*. Возьмем его. Это высокое имя ангела, к которому мы можем не обращаться, даст нам ключ к имени демона, который должен появиться сейчас. Вот таблица, которая нам поможет. Три корневых согласных в слове *Мизра(эль)* соответствуют трем другим на планете Марс, которые содержат имя - давайте произнесем его тихо, давайте просто прошепчем его, ибо это имя желанного демона - *Текфаэль*!

"Сумма числовых значений букв этого имени равна 488. Замечательное число, каждая цифра которого напоминает нам о мистической *четверке*, об элементах и их соответствиях! Мы будем общаться с одним из самых могущественных и ужасных демонов. На восковой табличке с железной рамкой я сейчас напишу имя демона, добавив к нему число 488 и эти своеобразные штрихи, составляющие его подпись. Время не позволяет мне сейчас рассказать вам о правилах, по которым подпись образуется из имени"^[39].

"Приготовления закончены, осталось только заказать аппаратуру и расставить себя. Когда мы привели в порядок наши орудия, освятили комнату, очистились в ванне, надели белые одежды, обернули вокруг себя красную мантию (ибо красный - цвет Марса), застегнули на талии пояс Марса, надели диадему, нагрудные знаки и кольца, я зажигаю на алтаре свой магический свет, огонь для благовоний и черчу магический круг. Затем - напряженная молитва о защите Бога, затем - заклинание.

Вот книга заклинаний, так называемый "Адский колдун". Я открываю ее на странице, с которой начинаются боевые заклинания. Книга помещается в круг. Когда нужно, я хватаю ее левой рукой, а правой держу посох"...

Готическая комната, в которой должно было происходить заклинание, представляла собой странный и в то же время торжественный и страшный аспект. Маг с ловкостью руки расставил все предметы, о которых говорилось выше. Черепа, кости людей и зверей, орудия убийства и боевые маски, разнообразные и неопишуемые фрагменты всех царств природы образовывали у стен различные фигуры, треугольники, квадраты и пятиугольники. Над голыми стенами висела красная драпировка. Посреди комнаты и внутри кругообразно расположенной пентаграммы находились огонь и жертвенник для благовоний со святой

водой. На столе в глубине, но частично внутри круга, горели магические светильники, рассеивая над предметами неопределенный беловато-желтый свет. Рядом с подсвечником находились два колокола. Мы были одеты в свои одежды. Лицо моего спутника было бледным, как смерть: вероятно, и мое тоже.

"Мужество, стойкость! ...или вы погибли!" - прошептал маг, в глазах которого светилась мрачная, торжественная решимость, а все черты лица выражали в этот момент страшную решимость.

Это были его последние слова перед заклинанием. Нам было позволено ничего не отвечать. Я старался быть мужественным, но душа моя содрогалась от страшного ожидания. Молитва и религиозные обряды, которые мы совершили после купания и переодевания, не уменьшили, а только усилили это чувство.

Ночной ветер сотрясал окна, скрытые за тяжелыми портьерами. Казалось, что за мягко колышущимися занавесками притаились призраки из другого мира.

Даже черепа, как мне показалось, предвещали своими впалыми, пустыми глазами приход чего-то ужасного. Один из них надолго привлек мое внимание, вернее, оказал на меня то же влияние, какое, как говорят, оказывает глаз гремучей змеи на птицу, которую она приближается сожрать. Я заметил в глазах металлический блеск. Это был отблеск света, отраженного от боевого камня, закрепленного в черепе.

Тем временем маг выхватил окровавленный меч и, бормоча молитву, начертил вокруг пентаграммы тройной магический круг. Между окружностями он написал имена ангелов года, времени года, дня и часа. На востоке он сделал знак *Альфы*, на западе - *Омеги*. Затем он разделил круг крестом на четыре поля. Два из них, те, что находились позади него, он отвел мне и моим спутникам. Они были достаточно большими, чтобы на них можно было преклонить колени. Нам было строго приказано не покидать их, не позволять даже складкам наших мантий развеиваться за пределами круга. Забывчивость в этом отношении будет стоить нам жизни. Маг отложил свой меч в треугольник за пределами круга. Он окропил себя и нас святой водой, прочитал формулы над ладаном и терновыми веточками и зажег их. Это был знак, что мы должны предаться молитве. Мы не должны были прекращать молитву, пока не услышим первое слово заклинания. Благовония распространялись по комнате как бы тусклой прозрачной завесой. То тут, то там он сгущался в странные фигуры: то человеческие, то фантастические звериные поднимались к сводчатой стене и снова опускались.

Должно быть, в этих парообразных облаках было что-то наркотическое. Я смотрел на них в полусонном состоянии, пока мои губы неслышно повторяли предписанные молитвы.

Из этого состояния меня вывело первое слово заклинания, поразившее мою душу, как удар грома, и пробудившее во мне полное сознание своего положения и важности наступившего часа. Кровь в моих жилах словно превратилась в лед.

Маг стоял передо мной, высокий, прямой и властный. Он взял в руки книгу заклинаний и теперь зачитывал из нее пустым голосом первую цитату, которая начинается с длинного формуляра, призывающего различные мистические имена Бога.

Я не могу повторить эту цитату. Высшее и низшее, божественное и адское, то, перед святостью которого мы испытываем неудержимое благоговение, и то, перед нечестивостью которого мы испытываем глубочайший ужас, соединились здесь в самых торжественных и самых ужасных словах, которые когда-либо произносил человеческий язык. Сначала я начал формировать представление о силе слов.

Имя демона еще не было произнесено. Чем ближе подходил момент его произнесения, тем глубже становился голос мага. Вот прозвучала формула призыва, вот раздалось имя *Текфаэля*.

Казалось, будто тысячекратное, но шепчущее эхо из свода над головой, из углов комнаты, из всех черепов и из самой книги заклинаний повторяет это имя.

Маг замолчал, благовония сгустились и приобрели красноватый оттенок, который постепенно становился все более и более рассеянным. Казалось, мы слышим раскаты грома, сначала издали, потом ближе и наконец над нашими головами. Казалось, что башня сотрясается, а свод над нашими головами раскалывается. Мои колени дрожали. Внезапно красную массу пронзила вспышка молнии. Маг протянул свой посох, словно желая остановить ее. Он вновь возвысил свой голос, сильный и властный на фоне продолжающихся раскатов грома. Дым снова поредел; из его венков перед магом в непосредственной близости от круга и на противоположном конце его посоха появилось тусклое видение, фигура, первый облик которой лишил меня разума. Я почувствовал себя так, словно упал на пол, - как будто меня потеряли.....

Я проснулся с испариной агонии на лбу, но, к счастью, в своей постели и в девятнадцатом веке. Вид из моего окна радостный и оживляющий. Я вижу реку, по которой плывут гордые корабли, набережные, кишасшие людьми, и широкие улицы с домами в изящном и легком стиле *ренессанса*. Я снова жил настоящим, что радовало меня больше всего, нежели мечты о будущем.....

Однако они стремились к чему-то великому, эти ученые маги Средневековья. Их творение было могучим воображением. Оно лежит в руинах и никогда больше не возникнет, но рассыпавшиеся *обломки* свидетельствуют о вере во всеобъемлющую человеческую силу и знание.

Эти ученые маги были такими же беспокойными фаустовскими натурами, столь же отличными от обычного типа ученых своего времени, как Фауст от педантичного *гордеца*, не жалеющего молока Вагнера. Пока они отдавали дань слабости традиции и формировали свою систему на основе полученных сентенций, именно среди них зародились предчувствия будущего и тоска по более ясному свету, чем тот, которым схоласты и доктора *angelici et seraphici* чувствовали себя вполне довольными. Когда возобновилось изучение Древней Греции, когда забрезжил рассвет *Возрождения*, именно эти восторженные натуры, все еще блуждающие среди грез магического искусства, первыми начали пробуждаться и задумываться. Именно ощущение недостаточности господствующей теологии и схоластики привело их в храм "тайной философии". Поскольку его столпы были выходцами из разных сфер культуры, недоверие и страх перед магией стали скорее всеобщими, чем непосредственно церковными; они так же глубоко черпали из профанической традиции, как и из христианской, считая, что обе они вытекают из одного божественного источника: их авторы цитируют Порфирия рядом с Иоанном, а притворщика Гермеса - рядом с Павлом. Смелость, с которой они пытались открыть порталы духовного мира, пригодилась им впоследствии, когда от берегов своей детской веры они отважились выйти в океан мысли. Кампанелла, Ванини, Джордано Бруно и Карданус стоят на разделительной линии между догматико-фантастической магией и философией в понимании древних греков и современности. Если уже раньше некоторые маги старого типа погибли от преследований, то не стоит удивляться, что теперь на их место должны взойти такие "атеисты", как Ванини и Бруно.

Оккультные науки Средневековья с их происхождением не из рая и Ноева ковчега, как считали их приверженцы, а из древней восточной культуры и с их властью над даже самыми сильными и независимыми душами, которые могли возникнуть под влиянием церкви, нивелирующей всякую мысль, могут должным образом напомнить тем, кто готов забыть об этом, о печальной, но неоспоримой истине: Что человечество может в течение многих и долгих веков принимать с самой искренней верой и с огромным трудом возводить в систему догмы, которые были приняты без сомнений, и которые содержат больше ложного, чем истинного, великая древность которых не дает им больше права на действительность, чем у ошибки, которая возникла вчера и исчезла сегодня. Никакое особое божественное влияние не спасло и не спасет поколения от наследования заблуждений в меньшей степени, чем приобретенных истин их предшественников - никакое другое божественное влияние, я бы сказал, кроме импульса, который мы чувствуем, чтобы думать самостоятельно, чтобы достичь ясности.

IV.

МАГИЯ НАРОДА И БОРЬБА ЦЕРКВИ С НЕЙ.

Там, где религиозная мысль разделяет царство мира и человечества на две абсолютно противоположные силы, добро и зло, там она также выделяет два вида магии: божественную и infernalную. Так было с персами, которые знали белую и черную магию. Так же и в средние века христианства. Греки, напротив, ничего не знали об этом различии. Мир был для них гармоничным целым, как в моральном, так и в физическом отношении, магия была для них лишь средством обнаружения и использования тайных сил в гармоничном космосе; и чудотворец, о котором нельзя было подумать, что он черпает свои силы из злого источника, был, несомненно, любим богами и равен героям, недостоин статуй и храмов, если он использовал свое искусство на благо человечества. В остальном магическая спекуляция у греков все больше и больше оттеснялась философией, скептицизмом и рациональным исследованием, пока в результате более тесного контакта между Европой и Азией после смерти Александра она снова не начала оказывать свое влияние и наконец отпраздновала свой триумф в той дуалистической форме религии, которая под именем христианства завладела Западом.

Выше была кратко описана борьба, которую дух ориентализма вел во время своего шествия по Европе, сначала против эллинского язычества, а затем против христианского язычества, проникшего в саму Церковь. Когда христианство распространилось позднее среди германских и славянских народов, возник новый процесс притяжения и отталкивания между ним и естественными религиями варваров, элементы которых частично смешивались с ним, а частично отталкивались от него. Боги превращались в дьяволов, а их атрибуты и празднества в их честь переходили к святым. Папа Григорий Великий постановил, что языческие праздники должны лишь постепенно сменяться христианскими и что им следует во многом подражать^[40].

Во времена Бонифация в Германии было много христианских священников, которые приносили жертвы Тору и одновременно крестились во имя Иисуса. Особое влияние на быстрое распространение христианства оказало изречение Григория о том, что не следует быть особенным в выборе прозелитов, поскольку надежда должна возлагаться на лучшие поколения будущего. Чтобы разрешили посещать богослужения и быть похороненным на церковном дворе, достаточно было получить благословение священника. Дары церкви, паломничества, самобичевание, повторение молитв на латыни открывали врата рая для прозелитов легче, чем добродетель и храбрость для язычников Валхалла. В остальном язычник мог войти в общину Церкви, сохранив весь круг своих представлений. Церковь не отрицала, а подтверждала реальное существование каждой вещи, которая была предметом его веры, но относилась к этим предметам в соответствии со своей дуалистической схемой, то возводя их в ранг святости, то низводя до чего-то дьявольского. Так, например, элементарные духи, в которых верили кельты и германцы, из добрых или нравственно безразличных природных существ превратились в падших ангелов, завидующих человеку в его небесном наследстве; и если раньше мыслящий язычник мог принимать или отвергать существование таких существ по своему желанию, то теперь, когда он становился прозелитом, верить в них становилось делом вечного блаженства. Не было такой суеверной идеи, которая не получила бы печать Церкви; более того, чем грубее она была, тем больше шансов, что ее присвоят. Даже такой культурный человек, как Августин, самый выдающийся из отцов и авторов своего времени, объявил "дерзостью" сомневаться в существовании фавнов, сатиров и других демонических существ, которые подстерегают женщин, вступают с ними в половую связь и рожают от них детей[41]. Так был заложен фундамент того огромного лабиринта суеверий, в темноте которого человечество блуждало на протяжении тысячи лет Средневековья.

В разрыве между церковью и естественной религией северных народов мы видим, в определенном смысле, повторение того же зрелища, которое мы наблюдали в борьбе между христианской и греко-римской культурой. Если неоплатоники ставили своего Апполония Тианского в пример христианским колдунам, то у кельтов, германцев и северян тоже были свои прорицатели, наделенные сверхъестественными способностями, которых христианские миссионеры должны были превзойти в умении творить чудеса, если они хотели добиться признания новой религии. Существует множество рассказов о епископах и священниках, которые на глазах у изумленных язычников надевали огненные перчатки, ходили по раскаленному железу и т. д. Если чудеса, творимые апостолами христианства, имели своим источником божественные силы, то те, что творили его противники, должны были иметь своим источником помощь дьявола. Уже здесь белая магия противопоставлялась черной магии, непосредственной и сверхъестественной силе Бога в Его агентах дьяволу: И если главное значение Церкви заключалось в том, чтобы быть институтом избавления от дьявола; если все ее магические приемы, от причастия до амулета, были оружием против его нападков; если языческие религии, поддавшиеся христианству, были не чем иным, как различными видами одного и того же *поклонения дьяволу*, а их священники, провидцы и врачи - орудиями сатаны; Тогда естественно, что все традиции языческих времен, которые Церковь не преобразовала и не присвоила, должны были быть изгнаны за пределы дьяволопоклонничества, и отчасти также, что каждое действие, которому приписывались сверхъестественные эффекты, но которое не было совершено христианским священником или во имя Иисуса, должно было быть отнесено к черной магии, отчасти, в конце концов, что возможность непосредственного сотрудничества, сознательного союза между дьяволом и людьми должна была быть возведена в догму.

Борьба между добром и злом, между Богом и сатаной, между церковью и язычеством, которая ведется оружием чудес двумя прямо противоположными человеческими представителями этих принципов, была темой, которая по необходимости должна была побудить силу творческого воображения к активности, и мы также находим в одном из древнейших памятников христианской литературы [42] рассказ такого характера. Это Симон Петр, камень, на котором построена Церковь, сражается там с Симоном, волхвом Самарийским, о котором говорится в Деяниях. Когда города Малой Азии стали свидетелями их подражания в чудотворении, решающая битва до конца разыгралась в Риме. В присутствии собравшегося народа маг Симон пытается вознестись на небо, но падает и ломает себе ноги, потому что Симон Петр приказал злым духам, уносившим мага в небо, отпустить его. Эта басня еще более приукрашена у более поздних церковных авторов. Вскоре к ней присоединяются другие, например, Киприана, Феофила, Милитариса, Гелиодора и многих других, которые из любви к земной славе отрекаются от Христа и заключают торжественные договоры с дьяволом. В жизнеописании святого Василия, архиепископа Кесарии и Каппадокии (он был современником императора-отступника Юлиана), есть рассказ о молодом человеке, который получил от языческого колдуна рекомендательное письмо к сатане. Когда юноша, по наставлению мага, отправился к языческой могиле и там достал письмо, его внезапно подняли и понесли туда, где на троне восседал Сатана в окружении своих ангелов. Юноша письменно отрекся от своего крещения и поклялся в верности своему новому господину. Но через некоторое время отступник раскаялся и признался святому Василию в содеянном. Епископ молился за него сорок дней. Когда же настал день, когда сатана, согласно договору, должен был унести свою жертву, епископ приказал поставить юношу посреди своей паствы. Пришел сатана, между ним и епископом началась битва, в которой люди простирали руки, умоляя Бога о помощи, и которая закончилась тем, что договор выпал из когтей изверга и был разорван епископом. Упомянутый выше Феофил тоже заложил свою душу дьяволу, но после настоятельных мольб святая Дева вернула ему договор, после чего, предупрежденный своим опытом, он вел святую жизнь и стал святым Феофилом еще до того, как закрыл глаза. Ранние легенды о договорах между дьяволом и людьми, как мы видим, заканчиваются спасением грешника, но не так, как поздние. Если мы вспомним, что церковь провозгласила одним из догматов, что все магические и чудесные искусства, не совершаемые священниками во имя Иисуса, творит дьявол; что он дает своим adeptам власть над природой и что демоны, как "*инкубы*" и "*суккубы*", ищут и получают плотские сношения с людьми, [43] мы обнаружим уже в идеях первых христианских веков элементы колдовства Средневековья. И когда мы читаем далее обвинения, которые первые христианские секты выдвигали друг против друга, - когда мы узнаем, что партия, возведенная Ниццким собором в ортодоксальную позицию, обвиняла гностиков, маркионитов и ариан в дьяволопоклонстве, сговоре с сатаной и колдовстве, Мы уже встречаем здесь тот союз ереси и колдовства, благодаря которому Церковь Средневековья приобрела столь страшное оружие против инакомыслящих, - союз, который следует рассматривать не как случайное изобретение нечестия и теологической ненависти, но как необходимое следствие всей дуалистической теории морали, как необходимый плод веры в дьявола.

Должно было пройти немало времени, чтобы праздники, характерные для естественных религий Европы, исчезли или были переделаны в христианскую форму. Внешние практики, с помощью которых религиозные идеи получают чувственное выражение, обычно обладают более живучей силой существования, чем сами идеи, и продолжают существовать после их исчезновения, как раковина после смерти наутилуса. В некоторых религиях естественного развития поклонение солнцу и луне является наиболее важным. Среди кельтских, германских и славянских племен, как ранее среди евреев и финикийцев, эти божества света

почитались путем разжигания костров, жертвоприношений и пиров на горах и в рощах, особенно в момент весеннего равноденствия (Пасха), в начале мая (Вальпургиева ночь) и в ночь летнего солнцестояния. Судя по тому, что следы этого обычая сохранились и в наши дни, хотя его первоначальное значение утрачено, мы тем более можем предположить, что он продолжал существовать без перерыва, сначала открыто, потом тайно, сохраняя свое значение, несмотря на усилия духовных и светских властей искоренить его, и все более и более принимая в народном сознании тот характер дьяволопоклонства, которым Церковь заклеила эти реминисценции, начиная с языческих времен. И когда, наконец, они полностью прекратились или сменились сезонами народных празднеств, которые не имели опасной суггестии даже в глазах Церкви, память о демонических праздниках гор и рощ должна была передаваться из поколения в поколение, и тогда оставалось сделать еще один шаг, чтобы поверить, что они все еще продолжают и в них участвуют люди, практикующие магические искусства и наделенные подозрительной мудростью древних валасов и друидов - женщин-провидцев и врачей язычников. То, что представление о ведьмином шабаше, который отмечался в ночь перед первым мая, и о пасхальном путешествии ведьм в Блокуллу имеет именно такое историческое происхождение, весьма вероятно. Церковная литература первой половины Средневековья не оставляет нас без существенных намеков, очевидно, подтверждающих это мнение. Святой Егидий, умерший в 659 году, часто выступает против *поклонения огню*, совершаемого в летние ночи, которое, унаследованное от языческих предков, сопровождалось танцами, против призывания солнца и луны (которых он называет "демонами Геркулесом и Дианой"), а также против поклонения в рощах и у деревьев, источников и перекрестков. Апостол аллеманов, святой Фирмин, умерший в 754 году н. э., проповедует против тех же обычаев и особенно останавливается на том, с какой настойчивостью старые женщины придерживаются inferнальных праздников с их магическими песнями и танцами. Современные авторы говорят о *синодальном постановлении*, которое, как утверждается, датируется Анцирским собором 314 года. D., который предписывает епископам особенно следить за безбожными женщинами, которые, обманутые заблуждениями демонов, воображают, что они в компании Дианы и Иродиады и верхом на определенных животных пересекают ночью обширные территории и должны собираться на определенное количество ночей по приказу своей хозяйки. Но хотя этот синодальный указ является поддельным и относится к гораздо более позднему периоду и другой местности (впервые он упоминается в IX веке в сочинении аббата Регино[44]), он достаточно древний, чтобы заслужить наше внимание. К декрету прилагается ряд вопросов, которые епископы должны задавать таким женщинам на исповеди. Среди них есть и такие, которые сразу же связывают путешествие ведьм с языческими традициями

"Следовала ли ты унаследованному от язычников обычаю рассматривать ход звезд, луны и затмения новой луны? И воображали ли вы, что восклицанием "Завоюй, Луна" (*vince, Luna*) вы можете воспроизвести ее свет? Когда вы хотели помолиться, прибегали ли вы к другим местам, кроме церкви, например, к источникам, камням, деревьям или перекресткам? Разжигали ли вы там костры и приносили ли в жертву хлеб или что-либо еще?"

Иоанн Солсберийский, умерший в 1182 году, пишет о женщинах, которые под предводительством "ночной королевы" собираются и устраивают банкеты, на которых больше всего смакуют детей, украденных из колыбели. Он все же допускал, что это может быть не реальностью, а лишь демоническими иллюзиями, фантасмагорическими трюками дьявола и пустыми снами, тем более что подобное происходит среди женщин, а не среди мужчин, которые обладают более сильным разумом. Такого же мнения придерживается и Вильгельм Овернский, епископ Парижский (умер в 1248 г. н. э.). Но уже при жизни этого

прелата вера в реальность ведьминых праздников была санкционирована авторитетом папы Григория IX, а всякое сомнение в этом было объявлено ересью.

В то же время связь между ересью и колдовством была возрождена и подтверждена Церковью, так что все еретики должны были считаться заклятыми подданными дьявола и посвящаться в колдовство, даже , хотя не все колдуны и ведьмы обязательно были еретиками. В это время Церковь, которой угрожали несколько вновь возникших сект, прибегала к любым средствам, чтобы поддержать свою иерархию и единство исповедания. В 1223 году Григорий IX обнародовал послание, в котором призывал к крестовому походу против стедингов, секты, распространившейся во Фрисландии и Нижней Саксонии. Он обвинил их в поклонении и тайном общении с князем тьмы. Согласно папскому эдикту, штединги считали дьявола настоящим и добрым божеством, изгнанным с небес другим и злым, но вернувшимся туда в полноте времени, когда узурпатор за свою крайнюю тиранию, жестокость и несправедливость стал ненавистен всему роду человеческому и окончательно убедился в собственной неспособности и бессилии. По правде говоря, если бы такое убеждение возникло, оно не было бы странным. Везде была видна власть и влияние дьявола, но нигде - Бога, если не в кровавых и ужасных законах и деспотичной социальной системе, которые духовные и светские власти объявляли божественными. Сама теория, с помощью которой церковь пыталась сохранить для Бога его атрибут всемогущества, - теория согласия, согласно которой дьявол осуществляет такую власть только с позволения Бога, - именно эта теория была пригодна для усиления смятения и ужаса. "Никогда", - говорит Бунзен,^[45] "не было времени, когда божественное и универсальное правительство вызывало бы такое отчаяние, как в Средние века". Бунзен склоняется к мнению французского историка Мишле, что с XIII по XV век, после того как вальденсы и альбигойцы во Франции были истреблены римскими гонениями, а низшие классы были низведены до уровня крепостных, религия отчаяния, возник настоящий сатанинский культ, и что шабаш ведьм на самом деле был основан на ночных общинах, в которых тысячи измученных людей, задавленных несчастьем и угнетением, собирались вместе , чтобы поклониться дьяволу и призвать его на помощь. Но не существует абсолютно достоверных исторических фактов, подтверждающих, что такие собрания действительно имели место. Мы считаем более вероятным, как указывалось выше, что ведьмина суббота была как бы томительными сумерками, постоянно углубляющимися и окрашенными в более чудовищные цвета после дня деградирующих праздников в религии природы, - инкубом воображения, угнетавшим лоно человечества, погребенного в мире грез; и что для возникновения описанных нами явлений не требовалось ничего, кроме веры в их реальность, которую санкционировала церковь. С вальденсами и альбигойцами обращались так же, как со стедингами. "Пусть судьи знают, - пишет один из инквизиторов, - что колдуны, ведьмы и дьяволопоклонники - почти все вальденсы". Вальденсы по профессии, по сути и формально, являются дьяволопоклонниками; и хотя не все они колдуны, все же колдовство и вальденсизм имеют много общего". Высшие авторитеты Церкви постоянно питали тот благоговейный страх перед дьяволом и его орудиями, который наполнял разум, и они могли делать это без всяких колебаний, будучи сами охваченными тем же ужасом. Так, Иоанн XXII обнародовал в 1303 году два послания, в которых жалуется, что он сам, а также бесчисленное множество его овец, подвергались опасности для жизни из-за искусства колдунов, которые могли насылать дьяволов на зеркала и перстни, а также уводить людей одними лишь словами. Особенно он упоминает о том, что его враги пытались убить его, протыкая иглами кукол, которых они окрестили его именем, призывая на помощь дьявола. Нет нужды указывать на то, какое влияние оказывали на обычные умы подобные провозглашения наместника Христа, непогрешимого главы Церкви. Дуалистическая философия зрела все больше и больше, пока в пятнадцатом веке не разразился страшный кризис. Этому кризису предшествовал суд над тамплиерами и несколько больших, но

локальных процессов над ведьмами с последующими казнями, пока, наконец, 5 декабря 1484 года не появилась булла папы Иннокентия VIII "Ad forturan rei memoriam". Эта булла и ее спутник, "Молот ведьм" (Malleus Malificarum), составленный монахом и инквизитором Шпренгером, довели зло до апогея. Ад больше не был плодом воображения: мы видим, как он утверждается на земле в ужасающей реальности и простирает свое господство над всем христианством.

Мы не можем воспроизвести в дословном переводе эту буллу папы Иннокентия, написанную на варварской латыни, достойной ее предмета[46]. Однако мы должны дать некоторое представление о ее содержании. "Крепостной Божьих крепостных" начинается с того, что свидетельствует о заботе, которую он, как хранитель душ, должен проявлять, чтобы способствовать росту католической веры и изгнать позор ереси подальше от близости верующих. "Но, - продолжает он, - не без глубокой скорби я узнал недавно, что люди обоих полов, забыв о своем вечном благополучии и отступив от католической веры, смешиваются с дьяволами, с *инкубами* и *суккубами* и вредят колдовскими песнями, колдовством и другими постыдными обычаями, развлечениями и преступлениями нерожденным детям женщин, молодняку животных, урожаем полей, винограду виноградников и плодам деревьев; что они также губят, душат и уничтожают мужчин, женщин, овец и скот, виноградники, сады, луга и тому подобное; посещают мужчин, женщин, скот и других животных внутренними и внешними болями и болезнями; препятствуют мужчинам деторождению, а женщинам - зачатию, делают их совершенно непригодными к исполнению их взаимных обязанностей и заставляют их, кроме того, святотатственными устами отречься от той самой веры, которую они приняли в крещении."... Поэтому папа назначает своих любимых сыновей, профессоров теологии Генриха Инститора и Якоба Шпренгера, главными инквизиторами с абсолютной властью над всеми районами, зараженными этими болезнями; И поскольку он знает, что есть люди, которые не стыдятся настаивать своим извращенным утверждением, что такие преступления только воображаемые и не должны наказываться, он угрожает им, независимо от их положения и достоинства, самыми суровыми наказаниями, если они осмелятся каким-либо образом противодействовать инквизиторам или вмешиваться в дела обвиняемых. Наконец, он объявляет, что ни одна апелляция из трибунала инквизиторов в другие суды, даже к самому папе, не будет разрешена. Инквизиторы и их помощники наделяются неограниченной властью над жизнью и смертью и призываются исполнять свое поручение с усердием и строгостью.

Булла не содержит никаких других указаний на то, как судьи должны действовать в суде над ведьмами. Молоту ведьм" было позволено устанавливать свои собственные нормы судопроизводства. Здесь важно дать резюме содержания этой книги, поскольку она стала юридическим авторитетом, которому следовали во всех странах, даже в протестантских, вплоть до начала XVIII века. Дух времени не может быть охарактеризован лучше, чем эта книга; ни в каком другом месте нельзя более ясно или более ощутимо показать, куда приведут сверхъестественные идеи космической философии и как они в конце концов уничтожат разум, мораль, человеческие чувства и превратят мир в сумасшедший дом.

Книга, к которой булла папы Иннокентия и диплом императора Максимилиана служат похвальным введением, начинается с апологии, призванной показать, что ее автор не вводит ничего нового и неиспытанного, но что его теории полностью основаны на Писании. В доказательство этого он приводит отрывки из Ветхого и Нового Заветов, отцов, постановлений соборов, канонических посланий, трудов Фомы Аквинского, Дамиана и других. Дьявол, говорит "Молот ведьм", действительно не имеет власти приостанавливать

действие естественных законов, но Библия неопровержимо доказывает, что Бог предоставил ему широкую власть над естественными силами телесных вещей. Свидетельство тому - история Иова и искушение Иисуса в пустыне. Кроме того, существование многих бесноватых, о которых говорится в Новом Завете, доказывает, что сатана может поселиться в человеке и использовать человеческое тело в качестве своего орудия. "Но, - говорит "Молот ведьм", постоянно стремясь вывести все свои заключения якобы в соответствии с логикой, - не следует путать бесов и ведьм. Существование первых не доказывает существование вторых; это должно быть доказано другим способом. И это доказательство есть: Дьявол как духовное существо не способен на реальный телесный контакт. Поэтому он должен использовать инструмент, которому он передает свою силу; ведь любое телесное воздействие производится через контакт. Этими инструментами являются колдуны и ведьмы. Поскольку, с одной стороны, неоспоримо, что сила дьявола велика, а с другой - что он ничего не может совершить без помощи колдунов и ведьм, напрашивается вывод, что они должны существовать. В остальном этот вывод самым решительным образом подтверждается Библией. Моисей предписывает предавать ведьм смерти, и это повеление было бы совершенно излишним, если бы ведьм не существовало. Поэтому тот, кто утверждает, что ведьм не существует, по праву должен считаться еретиком".

Затем в "Молоте ведьм" поднимается вопрос о том, почему именно женщины особенно склонны к колдовству, и на него дается следующий ответ: Святые отцы часто говорили, что есть три вещи, которые не имеют умеренности ни в добре, ни в зле: *язык, священник и женщина*. Что касается женщины, то это очевидно. Во все века на нее жаловались. Мудрый Соломон, который сам был искушен женщинами в идолопоклонстве, в своих сочинениях часто дает женскому полу печальное, но верное свидетельство; а святой Златоуст говорит: "Что есть женщина, как не враг дружбы, неизбежное наказание, необходимый виток, естественное искушение, желанное несчастье, постоянно текущий источник слез, злое произведение природы, покрытое блестящим лаком?" Уже первая женщина вступила в своего рода договор с дьяволом; не должны ли тогда сделать это и ее дочери? Само слово *femina* (женщина) означает "*лишенная веры*", ибо *fe* означает "вера", а *minus* - "меньше"[47]. С тех пор как она была сформирована из кривого ребра, вся ее духовная природа была искажена и склонна скорее к греху, чем к добродетели. Если сопоставить с этим слова Сенеки: "Женщина либо любит, либо ненавидит; третьего не дано", то легко понять, что, не любя Бога, она должна прибегнуть к противоположной крайности и возненавидеть Его. Таким образом, становится понятно, почему женщины особенно склонны к колдовству[48].

Теперь можно спросить: как это возможно, что Бог допускает колдовство? Молот ведьм" отвечает, что Бог допустил, без ущерба для своих совершенств, падение ангелов и наших первых родителей; и как раньше он санкционировал гонения на христиан, чтобы увеличить славу мученика, так и сейчас он допускает колдовство, чтобы вера праведников была более явной.

Преступление ведьм превосходит все остальные. Они объединяют в одном лице еретика, отступника и убийцу. Молот ведьм" доказывает, что они хуже самого дьявола, потому что он пал раз и навсегда, и Христос не пострадал за него. Поэтому дьявол грешит только против Творца, а ведьма - и против Творца, и против Икупителя.

Именно этим и подобным вопросам посвящена первая часть "Молота ведьм". Вторая часть, описывающая различные виды и последствия колдовства и празднование ведьминогo шабаша, предваряется рассказом о силе ведьм. Они вызывают град, гром и бури, когда пожелают; они перелетают по воздуху с места на место; они могут сделать себя бесчувственными на дыбе; они часто подчиняют разум судьи чарами и *сбивают его с толку*

состраданием; они лишают людей и животных способности к воспроизводству; Они могут видеть отсутствующих и предсказывать грядущие события; они могут по своему желанию наполнять человеческие сердца неуголимой ненавистью и страстной любовью; они уничтожают плод в утробе матери, вызывают выкидыши, превращают себя и других в кошек и волков; более того, они способны очаровывать и убивать людей и зверей своим видом. Их сильнейшая страсть - поедание плоти детей; при этом они едят только некрещеных детей: если в какой-то момент им достается крещеный ребенок, то это происходит по особому божественному уговору.

Их договор с дьяволом бывает двух видов: либо торжественный, заключенный со всеми формальностями, либо просто частный. Первый заключается следующим образом: Ведьмы собираются в день, назначенный дьяволом. Он появляется в собрании, увещевает их к верности, обещает им славу, счастье и долгую жизнь и приказывает старшим ведьмам представить новичков, которых он подвергает испытанию и заставляет принести клятву верности; затем он учит их готовить из конечностей новорожденных детей колдовские снадобья и колдовские мази и дарит им порошок, инструктируя их, как его использовать во вред людям и зверям.^[49] Когда после этого послушница возобновляет церемонию верности в следующий ведьмин шабаш, она становится настоящей ведьмой. Дети, необходимые для ведьминых котлов и банкетов субботы, добываются следующим образом: Жертв убивают взглядом или вышеупомянутым порошком, когда они лежат в колыбели или в постели со своими матерями. Простые люди верят, что они умерли по естественной причине - от болезни или удушья. Затем, когда их хоронят, ведьмы крадут их из могилы. Случалось, что судьи после подобных признаний вскрывали могилу и находили в ней ребенка; но в таких случаях судья должен учитывать, что дьявол - великий мастер, который может обмануть глаза слуг правосудия, чтобы защитить своих слуг, и в таком случае признание ведьмы (вырванное у нее под пытками) должно оказаться больше, чем легко заблуждающееся видение судьи". [Какой триумф сверхъестественной аргументации!]

Ведьма совершает свои воздушные путешествия, говорится в "Молоте ведьм", намазывая сосуд, метлу и грабли, метелку и кусок льна ведьминой мазью; затем, поднявшись, она движется по воздуху, видимая или невидимая, по своему выбору. "Молот ведьм" напоминает тем, кто сомневается в этих воздушных путешествиях, о Матфее, iv. 5, где рассказывается, как дьявол поднял Иисуса по воздуху на вершину храма.

Теперь мы переходим к третьей части "Молота ведьм", уголовному закону о судах ведьм, который дает указания о том, как "колдуны, ведьмы и еретики должны быть судимы как в духовных, так и в гражданских трибуналах".

Что касается предварительных форм процедуры, то "Молот ведьм" прежде всего устанавливает, что "суд может начаться без предварительного обвинения, на основании простого сообщения о том, что где-то обнаружены ведьмы; ибо долг судьи в деле, чреватом многими опасностями для души, не ждать доносчика или обвинителя, а, по должности, немедленно начать расследование". Когда инквизитор приезжает в город или деревню, он должен увещевать всех людей с помощью прокламаций, прибитых к дверям церквей и ратуш, и угроз отлучения и наказания, чтобы они давали информацию обо всех лицах, которые каким-либо образом подозреваются в малейшей связи с колдовством или иным дурным поведением. Доносчики могут быть вознаграждены, если инквизитор сочтет нужным, благословением церкви и деньгами. В церкви должен быть установлен ящик для получения показаний тех доносчиков, которые пожелают остаться неизвестными.

Для доказательства вины достаточно двух или трех свидетелей. Если их не окажется, судья может найти и вызвать их и заставить под присягой рассказать правду. Он также имеет право допросить свидетелей до начала процесса. Что касается квалификации, необходимой для выступления в качестве свидетелей, то "Молот ведьм" заявляет, что отлученные от церкви, соучастники, объявленные вне закона, беглые и беспутные женщины являются безупречными свидетелями в делах, где затрагивается вера. Ведьме разрешается свидетельствовать против ведьмы, жене против мужа, мужу против жены, детям против родителей и так далее, но если показания сообщников или родственников в пользу обвиняемого, то они не имеют силы; *ведь кровь, конечно, гуще воды*, и один ворон не станет добровольно выковыривать глаза у другого.

В "Молоте ведьм" обвиняемому разрешается иметь защитника, но при этом добавляется: "Если советник слишком горячо защищает своего подозреваемого клиента, будет правильно и разумно считать его гораздо более преступным, чем колдун или сама ведьма; то есть, как защитник ведьм и еретиков, он более опасен, чем колдун. К нему следует относиться с подозрением в той же степени, в какой он рьяно защищается". Но судебное разбирательство может быть достаточно трудным и без того, чтобы его засорял и затруднял хитрый защитник. Чтобы запутать такого адвоката и заманить обвиняемого в ловушку, необходимо, говорит "Молот ведьм", чтобы судья помнил слова апостола: *"Будучи хитер, я уловил вас коварством"*, и сам проявлял хитрость. Молот ведьм сообщает судье о пяти "честных и апостольских уловках" (именно так сказано в книге); одна из них состоит в том, чтобы вписать в копию протокола, которая передается адвокату защиты, ряд фактов, не имевших места в процессе, и перепутать имена свидетелей. "Таким образом, обвиняемый и его адвокат могут быть настолько запутаны, что теперь не знают, кто и что говорил".

Среди вопросов, которые следует задавать обвиняемому, "Молот ведьм" рекомендует ряд, качество которых можно оценить, прочитав следующие примеры: "Знаете ли вы, что люди считают вас ведьмой? Почему вас заметили на территории N. N.? Почему вы трогали ребенка (или корову) N. N.? Как случилось, что ребенок (или корова) вскоре после этого заболел? Чем вы занимались возле дома, когда началась буря? Как вы можете объяснить, что ваша корова дает в три раза больше молока, чем чужие коровы?"

В работе Шпренгера подробно описано обращение, которому должен подвергнуться человек, обвиненный в колдовстве и переданный судье. Перед судом обвиняемого ставят на дыбу, чтобы склонить его к признанию. Некоторые, вместо того чтобы признать свою вину, позволяют разорвать себя на части; это "самые страшные ведьмы", и их стойкость объясняется тем, что "дьявол закаляет их против пыток". Других, кто был менее верен ему, он бросает, и таким образом их легко склонить к исповеди. "Если в течение первого дня от ведьмы не удалось добиться признания" - мы цитируем "Молот ведьм" дословно - "пытка должна быть продолжена на второй и третий день". Гражданский закон запрещает, конечно, *повторять* пытку, если не было представлено никаких доказательств, но она может быть *продолжена*".

Поэтому судья должен использовать следующую формулу: "Мы постановляем, что пытка должна быть *продолжена* (не *повторена*) завтра".

На второй день обвиняемому выставляются орудия пытки, а присутствующий священник читает следующее постановление: "Заклинаю тебя, N. N., во имя Святой Троицы, горькими слезами Иисуса Христа, которые он пролил на кресте... слезами святых и избранных Божьих, которые они пролили над миром... чтобы, если ты невиновен, ты немедленно пролил

обильные слезы; если же ты виновен, то никаких слез. Во имя Бога Отца нашего, Сына и Святого Духа. Аминь."

Заговоренный таким образом человек редко плачет. Но если это происходит, судья должен убедиться, что глаза ведьмы не увлажнены слюной или какой-либо другой жидкостью. Ведьму нужно вести в зал суда задом наперед, чтобы судья мог увидеть ее раньше, чем она его. В противном случае она может околдовать его и склонить к преступному состраданию.

Перед допросом свидетелей с обвиняемой нужно снять всю одежду, сбрить все волосы на ее теле и тщательно осмотреть ее конечности, чтобы убедиться, нет ли на них следов, ведь дьявол ставит свои метки. Кроме того, нужно уколоть иглой, если какая-либо часть тела лишена чувств, так как это верный признак ведьмы. Однако отсутствие такого признака ни в коем случае не доказывает невиновность.

Если ведьму не удастся заставить признаться никакими способами, то судья должен отправить ее в дальнюю тюрьму. Привратника, друга и целомудренных женщин нужно убедить навестить заключенную и пообещать помочь ей бежать, если она только расскажет им о некоторых своих проделках. Таким образом, замечает автор "Молота ведьм", мы заманили в ловушку многих".

На этом мы заканчиваем рассказ об ужасной книге Шпренгера. Читатель в достаточной мере рассмотрел этот плод на древе дьявола - возможно, мы испытываем отвращение при его рассмотрении, но его учение поучительно. Пусть мы узнаем дерево по плодам и вырвем его с корнем - с теми корнями, которые так обильно поливают люди, не ведающие, что творят. Костры, которые булла папы Иннокентия разожгла по всей Европе, бросали свой странный свет далеко в те времена, которые называют современными, - далеко в восемнадцатом веке. Перечислить эти жертвы костра было бы невозможно. Однако в наши дни иногда пытаются это сделать; роются в архивах и делают открытия, которые превосходят все ожидания. Число жертв исчисляется миллионами.

Не было пощажено ни одного возраста. Детей приводили на костер вместе с матерями. Молчаливое, мрачное предчувствие овладевало всеми жителями, когда на дверях церкви объявляли о прибытии инквизитора. Всякая работа в цехах и на полях прекращалась, и все злые страсти разгорались с новой силой. Тот, кто имел открытого врага или подозревал тайную зависть, заранее знал, что он пропал. Считалось, что лучше предвидеть, чем быть предупрежденным в доносе; и едва трибунал начал свою деятельность, как был переполнен донощиками. "Когда в одном месте начинали сжигать ведьм", - пишет автор XVII века, - "их находили больше пропорционально тому, как их сжигали". В различных общинах Германии и Франции всех женщин отправляли на кол. Во многих случаях дело доходило до того, что князья и властители были вынуждены, опасаясь истребления своих подданных, останавливать безумие инквизиторов *авторитетным приказом*. Жадность подливала масла в огонь, который разжигали суеверия и ненависть. Приведем лишь один пример из истории процессов над шотландскими ведьмами. Человек по фамилии Хопкинс, которого отправили на виселицу, осудив за убийство, признался там, что привел на костер двести женщин, причем за вознаграждение в двадцать шиллингов за каждую, - сумма, которой судья его наградил.

И во всей Европе на протяжении многих веков не раздалось ни одного голоса, поднятого в попытке остановить убийство оружием разума или религии! Если и был кто-то, кто не разделял безумия своего времени, то страх парализовал его язык, а образованность и религия, отнюдь не препятствуя злу, привязали себя к его триумфальному уху. С Библией в руках богословы санкционировали эти варварские действия, а ученые защищали их с

помощью доводов, почерпнутых у отцов, и изощренной аргументации. Протестантские богословы соперничали с католическими в учености. Даже Лютер и первые реформаторы не пресекали, а поощряли веру в дьяволов. Если язычество описывалось отцами как дело рук и империя сатаны, то Лютер отнес к этой же сфере предшествующую жизнь Церкви от начала папства и превратил всю историю человечества в дьявольскую драму. Борьба между Реформацией и католицизмом еще одним образом способствовала усилению веры в дьявола. Религиозная борьба будоражила умы эпохи в самых сокровенных ее глубинах. Многие, кто занимал среднее положение между проповедником Реформации, с одной стороны, и католическим священником - с другой, колебались между старым и новым, а совесть многих, уже принявших новое, была взбудоражена беспокойством и сомнениями. Католический бог видел в этих сомнениях начало победы над сатанинским заблуждением; протестантский богослов объявлял те же сомнения навеянными породителем папства - дьяволом. Мы можем оценить это положение вещей, прочитав "Tischreden" Лютера. Люди, напуганные, например, сном или странным шумом ночью (для такого эффекта не требовалось ничего больше), спешили к своему пастору, чтобы изложить ему свои проблемы. Затем им сообщали, что, с одной стороны, сон или голос вызваны дьяволом, которому они подчинились из-за своего отступничества, или, с другой стороны, что сатана пытается запугать их, чтобы они вернулись к тем заблуждениям, от которых отказались. В обоих случаях агентом был архидьявол. "Он был в рыцарском замке, во дворцах сильных мира сего, в библиотеках ученых, на каждой странице Библии, в церквях, в залах правосудия, в кабинетах адвокатов, в лабораториях врачей и естествоиспытателей, в коттеджах, на фермах, в лавках - везде"[50].

Он действительно был повсюду, и христианство превратилось в ад. "Вера в дьявола, - пишет британский автор[51], рассуждая на эту тему, - привела к тому, что все рациональные знания исчезли, вся здравая философия была осуждена, нравственность людей была отравлена, и человечество погрузилось в водоворот глупости, безбожия и жестокости. В этот водоворот увлеклись все классы. Бог природы и Откровения больше не держал в своей руке бразды правления миром. На земле воцарились силы ада и тьмы, порожденные большим воображением".

Отбрасывая свою мрачную тень даже на XVIII век, вера в колдовство пустила глубокие и могучие корни именно в Средние века. Этому не стоит удивляться. Люди Средневековья жили не столько в реальности, сколько в мире магии, в мире, больше напоминающем картины "Гельветов-Брейгелей", чем описания острова Армидас. Воздух был пропитан демоническими испарениями. Популярная литература состояла из легенд о святых и историй о дьяволе. Церковь, всеобщее убежище против дьявола, видела и учила людей видеть повсюду игру злых сил, которые должны быть побеждены магическими практиками, и среди Аримана и его хозяев, которые теперь утвердились в Западе, и как наследники рогов и хвостов панов и фавнов, двигалась толпа местных духов; импы, великаны, тролли, лесные духи, эльфы и хобгоблины на земле и в земле; никсы, речные косяки в воде, фиванцы в воздухе и саламандры в огне. К этим элементарным духам добавилась целая фауна чудовищ, таких как драконы, грифоны, волки, ведьмы-кины, свиньи Тора и так далее. Но на этом обзор не заканчивается: призраки, привидения, вампиры, духи, вызывающие кошмар, и так далее, - сверхъестественные существа, происходящие из мира людей, но более тусклые, чем предыдущие, - завершают эту пеструю процессию. Мандрагора также занимает в ней свое место. Это существо заслуживает нескольких строк здесь, поскольку оно уже исчезло из народных суеверий.

Мандрагора или альрун[52] - изначально очень редкая трава, которую можно найти разве что под виселицей, где повесили непорочного юношу.[53] Тот, кто ищет эту траву, должен знать, что ее нижняя часть имеет форму человека, а верхняя состоит из широких листьев и желтых цветов. Когда ее вырывают из земли, она так жалобно вздыхает, вскрикивает и стонет, что тот, кто ее услышит, должен умереть. Чтобы найти его, нужно выйти на улицу до восхода солнца в пятницу утром, тщательно набив уши ватой, воском или смолой, и взять с собой черную собаку без единого белого волоска. Над мандрагорой нужно трижды осенить себя крестным знаменем и тщательно перекопать землю вокруг нее, чтобы она была прикреплена только тонкими корнями. Затем ее привязывают за веревку к хвосту собаки и манят ее вперед куском хлеба. Собака вытаскивает растение из земли, но падает замертво, пораженная страшным криком мандрагоры. Его приносят домой, омывают в красном вине, заворачивают в красный и белый шелк, кладут в святилище, снова омывают каждую пятницу и одевают в белую рясу. Мандрагора открывает тайные вещи и будущие события, а также обеспечивает владельцу дружбу всех людей. Серебряная монета, вложенная в него вечером, утром удваивается. При этом монета не должна быть слишком большой по размеру. Если вы купите мандрагору, она останется у вас, бросайте ее куда хотите, пока не продадите ее снова. Если вы храните ее до своей смерти, то должны отправиться с ней в ад. Но продать ее можно только за меньшую цену, чем она была куплена. Поэтому тот, кто купил его за самую мелкую из существующих монет, безвозвратно потерян.

Существо, называемое мандрагорой, было, как мы видим, своего рода "*Духом знакомым*". Но оно появлялось и в другой форме. Случалось, что авантюристы представляли себя мандрагорами и благодаря этому мистическому происхождению добивались успеха при дворе, предварительно духовно очеловечившись в результате христианского крещения. Но после крещения они теряли свою чудотворную силу, что было очень невыгодно для них самих и для других. Еще больше в Средние века было тех авантюристов, которые объявляли себя или других бастардами дьявола и человека. Но если они вели безупречную жизнь, демонстрируя твердую веру в догматы Церкви, то опасность такой родословной была не больше, чем честь. Сыну падшего ангела не нужно было склонять голову перед человеком благородного происхождения.

В демонической фауне Средневековья волк-оборотень играет слишком важную роль, чтобы обойти его молчанием. Он был ужасом сельских районов. Оборотни - это люди, которые на время превращаются в волков, а затем бродят по округе, охотясь на детей. Вера в оборотня очень древняя. Античные авторы говорят о ней как о суеверии у скифов, пастухов и крестьян восточных провинций[54]. Тогда считалось, что превращение происходит от определенных трав, растущих в Понте; в Средние века это был дьявол, который оборачивал волчью шкуру вокруг ведьмы или заколдованного человека. Даже эта вера была принята и провозглашена Августином. Августин, тот самый папа, который заявил, что не поверит в Евангелие, если авторитет Церкви не увещевает его сделать это, считал достойным одного лишь саддукея или языческого философа отрицать существование такого известного явления, как волк-оборотень. Император Сигизмунд поручил богословам "научно" исследовать этот вопрос в его присутствии, и они пришли к общему мнению, что оборотень - это "положительный и постоянный факт"; ведь если признать существование дьявола, то нет причин отрицать существование оборотня, подкрепленное авторитетом отцов Церкви и общим опытом.[55] Этот "общий опыт" в конце концов превратился, как и вера в колдовство, в бушующую психическую болезнь, эпидемию ("*insana zoanthropica*"), заразившую целые районы в разных частях Европы и отправившую на казнь многих безумцев, признавшихся перед судом в мнимом грехе.[56]

С этой ликантропией почти родственно более ужасное явление - вампиризм. Вампиры, согласно верованиям Средневековья, - это развоплощенные души, которые снова облачаются в свои погребенные тела, крадутся по ночам в дома и высасывают из сосков спящих всю их кровь. Лишенный таким образом жизненной жидкости человек, в свою очередь, превращается в вампира и посещает предпочтительно своих родственников. Если выкопать труп человека, подозреваемого в вампиризме, и надавить на его живот, изо рта вытекает обильная свежая кровь. Труп хорошо сохранился. Вера в вампиров также породила своего рода психическую язву, которая еще в XVIII веке наводила ужас на австрийские провинции[57].

Если колдовство было воображаемой народной магией, то существовала и реальная, и заключалась она в бесконечном разнообразии обычаев, примет и правил для всех условий жизни. Не говоря уже об обширных рукописных календарях астрологов, в которых указывалось, какие созвездия, времена года и дни благоприятны для купания, кровопускания, стрижки волос, бритья, строительства дома, сватовства, найма слуг, отправления в путешествия и т. д., в народе существовала невероятно большая масса правил жизни, которые должен был знать каждый, кто хотел избежать постоянной опасности навлечь несчастье на себя и свою семью.

От утреннего пробуждения до ночного засыпания необходимо было соблюдать такие правила: если утром встать с постели не с той ноги, то это непременно повлечет за собой досаду в течение дня, а если ночью не поставить обувь каблуком к кровати, то это непременно вызовет визит призраков или дурные сны. Когда рождаются дети, никто не должен выходить или входить, или открывать дверь, не захватив с собой огонь, чтобы тролли не могли найти дорогу и обменять ребенка; и никто из входящих не должен произносить ни слова, прежде чем не прикоснется к огню. По этой же причине за ребенком, пока он некрещеный, нужно внимательно следить каждую ночь, а на очаге должен постоянно гореть огонь. До крещения ребенка нельзя переносить из одной комнаты в другую, не поставив рядом с ним сталь. Если два мальчика крестятся по одному и тому же поводу, тот, кто первым получит имя и благословение, будет лучше одарен как телесно, так и душевно. В день крестин мать не должна брать в руки топор, нож или другие режущие инструменты, иначе ребенок когда-нибудь будет убит. Если пол под колыбелью подметен, ребенок будет лишен сна. Если колыбель передвигают, когда ребенка в ней нет, он становится раздражительным. Когда ребенок зевает, нужно осенить его крестным знаменем и добавить слова "Иисус, сын Божий!", иначе в него вселится дьявол. Если ребенок ночью выглянет в окно или посмотрится в зеркало, он заболеет. Дети, которых наказывают в воскресенье, становятся непослушными; но ребенок, выпоротый в Страстную пятницу до захода солнца, станет послушным и послушным. Если ребенок ходит в одной обуви, у матери будет болеть спина. Если ребенок ходит или бежит задом наперед, он загоняет своих родителей на столько шагов в ад. Ребенок, который ест и читает одновременно, приобретает плохую память. Если первый подарок жениха своей суженой состоит из туфель, она будет неверной, если из чулок - ревнивой. Бракосочетания по понедельникам, средам и субботам приносят несчастье. Если свадебная процессия по какой-либо причине остановится, супругов ожидают разногласия. Если кольцо для бракосочетания слишком маленькое, то вас ждет несчастье. Из супружеской пары первым умирает тот, кто первым преклонит колени или поднимется с них. Те, кто держит балдахин, не должны менять руки или прикасаться к венцу невесты, ибо это предвещает несчастье и уныние. Если при выходе встретится старуха или человек, несущий воду, в комнату следует войти еще раз. Когда стол накрыт, на него сразу же должен

быть положен хлеб. Хлеб никогда нельзя класть верхней коркой вниз. С большой осторожностью следует убирать все отделенные от тела вещества: волосы, ногти, кровь; их нужно закопать в землю, чтобы они не попали к больным людям или в руки ведьм.

Мы выбрали вышеперечисленные предписания и правила в качестве примеров из тех тысяч заповедей для всех условий жизни, которые были собраны в ходе исследований в этой области из уст народа. Полная коллекция потребовала бы большого объема. Во всех них виден подневольный страх перед таинственными злыми влияниями, которые таятся со всех сторон и чья сила или бессилие по отношению к человеку зависит не от его нравственности, а лишь от того, как он соблюдает определенные этически безразличные поступки. Многие из них, по-видимому, возникли лишь в результате неправильного применения теории причинности; другие зависят от символического метода созерцания природы. Какая разница между этой народной мудростью и той, что хранится в гномов греков или в языческом Гавамале! Часть первых, возможно, также является реликвией, но как буйно разрослись эти суеверия за века зрелой и яркой веры в персонифицированное зло, как глубоко пустили они корни в народе, в то время как Гавамал был спасен от потопа времени только рукой ученика!

К числу суеверий следует отнести и магические предсказания болезней и смерти. Многочисленными были приметы о приближении скелета-фигуры с косой и стеклом. Они слышались в карканье ворон и воронов, в вое собак, в стрекотании сверчка и регулярном тиканье древесного червя, спрятанного в стене. Если лошадь священника, едущего навестить больного в своем приходе, опускала голову при подъезде к дому, если ловили мышку, грызущую одежду, если внезапно гас свет, если падало изображение, разбивалось стекло или зеркало, это указывало на приближение смерти в доме. Чтобы определить судьбу больного, кусок хлеба, который он съел, клали в темный угол и наблюдали за изменением его цвета; или кусок жира, которым были намазаны подошвы больного, предлагали собаке, или поднимали камень, чтобы посмотреть, не скрывается ли под ним какая-нибудь вещь. Если хлеб темнел, или собака отказывалась есть предложенное ей, или под камнем не оказывалось живого существа, то больной считался неизлечимым, и ничего нельзя было надеяться даже на унаследованное медицинское искусство мудрых стариков и старух. Это умение заключалось в использовании, наряду с "чтением" и заклинаниями, отчасти трав с более или менее известной эффективностью, а отчасти, как кажется, и магнитных сил, к которым прибегали механически, без размышлений.

Медицинское искусство, наследуемое в народе из поколения в поколение, - это предмет, к которому не может относиться никто, кроме ясновидящего и непредвзятого ученого-медика, и который до сих пор оставался без того исследования, которого этот предмет, несомненно, заслуживает, по крайней мере, с исторической точки зрения. В конце Средних веков среди приверженцев галенового искусства был гениальный человек, который, отчаявшись найти в фолиантах схоластов-медиков хоть какие-то следы истины, покинул лекционный зал и отправился в мир без природы, чтобы, как он сам говорил, прочесть книгу природы и научиться тому медицинскому инстинкту, которым Бог, по его мнению, должен был наделить людей, как и животных, и который должен найти истинное выражение только в людях, живущих в непосредственном взаимопонимании с природой. Этим человеком был Парацельс. Тот, кто презирал и насмехался над корифеями своих дней на медицинских факультетах, не гнушался слушать "опыт крестьян, старух, ночных странников и бродяг", и магнетическая система, которую он построил "при свете природы, а не при свете лампы аптекарского магазина", по всей вероятности, покоится на общих принципах, которые он нашел во множестве симпатических исцелений, практикуемых в народе. В "чтении",

которым сопровождалось эти исцеления, Парацельс справедливо видел не что иное, как субъективный момент и средство сделать веру и воображение союзниками врача. В разных странах Европы была собрана и опубликована масса этих формул-колдуний при различных заболеваниях. Они не представляют для читателя практически ничего интересного[58].

Очень распространенным способом в Средние века было измерение больного человека, в одно время для того, чтобы вылечить его, в другое - чтобы узнать, уменьшается или увеличивается болезнь. Другим способом было протащить его через дыру. Больных детей протаскивали через отверстия, вырытые в земле, или через расщелину вишневого дерева. Больных овец заставляли пролезать через расщелину дуба и так далее. Другим средством против многих видов страданий было повязывание нити или ленты, над которой читали заклинание, вокруг шеи или какой-либо конечности больного. С этим связано завязывание колдовских узлов, используемых только со злым умыслом. Для них требовались ленты разных цветов и материалов[59]. Их закапывали рядом с жилищем человека, которому наносился вред. Считалось, что таким образом можно лишить врага любой конечности или телесной силы. Французский юрист и судья по делам ведьм Пьер Деланкр жалуется, что в его времена во Франции было мало супружеских пар, чье счастье не было бы омрачено этим средством; молодые люди почти не решались жениться из страха перед этим. Хинкмар, архиепископ Реймский, советовал в качестве средства против этого влияния усердное использование таинств. Во французских ритуалах предписываются церковные молитвы против воздействия ведьминых узлов. Не менее распространенным был обычай делать кукол из тряпок, теста, воска или глины, крестить их именем ненавистного человека, бросать в огонь или протыкать иглами, закапывать под порогом этого человека, чтобы причинить ему страдания[60]. Болезни также можно было перенести на куклу, читая определенные формулы и помещая их в какое-нибудь недоступное место или в проточную воду.

Не только против болезней, но и против опасностей пожара и войны, против невезения в любви или погоне, в путешествиях и т. п., люди свободно прибегали к магическим средствам. Молот ведьм" с горечью жалуется на преступную практику солдат калечить распятия, чтобы закалить себя от меча и пуль. Палач в Пассау во время Тридцатилетней войны приобрел широкую известность благодаря своему умению закалять человеческий каркас, что он делал с помощью клочков бумаги с кабалистическими фигурами (Passauer Henkers-Zettel), которые съедались. Очень распространена была вера в то, что охотники с помощью колдовства добывают "вольных стрел" и "вольных пуль". В "Молоте ведьм" различные властители обвиняются в том, что у них в подчинении находятся "дьявольские лучники", которые попадают в цель с большого расстояния, не целясь. На пожарах было принято бросать в пламя так называемые щиты Давида - пластины с двумя пересекающимися треугольниками и девизом "Агла" (инициалы четырех древнееврейских слов, означающих: "Вечно силен Ты, Господи!") и "*consummatum est*". Еще в середине прошлого века магистрат Лейпцига распорядился, чтобы такие таблички хранились в ратхаусе на случай пожаров. В католических странах духовенство взяло в свои руки использование магических средств против пожаров; процессии с пением и реликвиями трижды обходили вокруг горящего дома, и если это не приносило спасительного эффекта, то это было верным признаком того, что Бог позволил дьяволу овладеть пагубной стихией для уничтожения.

Объем этого трактата не позволяет подробно рассказать о многочисленных гадательных искусствах, имевших своих адептов в народе. Церковь, усиленно проповедуя против этих искусств и представляя их как приспособления дьявола, отца лжи и основателя оракулов, тем не менее не отрицала, но могла подтвердить библейскими цитатами их силу раскрывать будущее.

Все, что мы здесь описали, было для Церкви черной магией: все мистические практики в народе, независимо от того, прибегали ли к ним в добрых или злых целях, для исцеления или лечения, рассматривались как презрение божественной магии самой Церкви, а также как союз с дьяволом, если не формальный, то, во всяком случае, "*пактум имплицитум*". Поэтому именно обладатели традиционного народного искусства врачевания первыми отправлялись на костер, где бы инквизиция ни начинала свои судебные процессы. Но никакой террор не мог искоренить народную магию, пока сами преследователи верили в ее действенность и боролись лишь за освященное суеверие против ее запрещенной подделки. Борьба с суеверием как церкви, так и народа, была отложена для другого времени и для другой теории мироздания и морали.

Так называемые бродячие схоласты (*scholastici vagantes, scholares erratici*) составляли своего рода связующее звено между магией ученых и магией простого народа. Это были разорившиеся и авантурные студенты, священники и монахи, которые бродили по сельским районам большинства европейских государств, особенно Германии, представляясь кладоискателями, продавали "*spiritus familiares*", амулеты, любовные зелья и эликсиры жизни, вызывали духов, гадали по звездам, лечили людей и скот. Эти авантюристы были объединены в регулярные гильдии и имели, как и другие бродячие торговцы, свои жилища и больницы в городах. Они были страшными конкурентами отцов-колдунов из монастырей, несколько раз отлучались от церкви и, похоже, почти исчезли, когда начались серьезные суды над ведьмами. Именно с таким человеком связана легенда о Фаусте. Она отражает народное мнение о силе ученых магов[61].

В тот же период, когда была обнародована булла Иннокентия, а вера в дьяволов достигла кульминации в процессах над ведьмами, зародилось *Возрождение*. Этот спаситель пришел мир в час его острой нужды. Эллинский дух, возрожденный изучением классической литературы и классического искусства, был новым Мессией, положившим пяту на голову старого змея и спасшим человечество от власти смерти и дьявола. Люди, сидевшие во тьме, освещенные лишь ярким пламенем, разожженной инквизицией, увидели великий свет и протянули руки навстречу новому рассвету. Изучение древних оказало огромное влияние, тем более что реальный мир так сильно отличался от античного. Ископаемые памятники Эллады открывали иные государственные системы, нежели феодальная средневековая, - государства, которые были организациями, а не просто механическими конгломератами завоевателей и побежденных, и основывались на более благородных началах, чем дарованные или предполагаемые привилегии. Эти памятники свидетельствовали о независимом поиске истины, которая ставила себя выше традиции - новое зрелище для людей Средневековья! Они открыли искусство, в котором царила гармония между духом и природой, между высшей жизнью и чувственностью, между относительными противоположностями, которые средневековье считало абсолютными, ставя их друг против друга в борьбе, разрушающей красоту и нравственность. Они показали крупные симметричные характеры, свободные как от аскетизма Средневековья, так и от дикой чувственности того времени. Все эти идеи, встреченные с энтузиазмом, не могли не преобразить облик мира. Они низвергли тьму средневековья, обратили в бегство дьявола и ад и загнали их в тот дровяной угол духовного царства, где они находятся сейчас, но откуда при любой политической реакции они с нетерпением выглядывают, не могут ли они вновь подчинить своей власти весь огромный мир. Но они едва ли преуспеют в этом, пока свобода мысли и научная независимость охраняются как главные условия духовного здоровья человечества; и они потерпят полное фиаско, когда всеобъемлющий интеллект научит людей, что предпосылки дьявольской догмы, если бы они могли быть снова привиты народному уму, показали бы заново те же результаты, которые были изображены выше, и

привели бы нас обратно к ужасным временам инквизиции и сжигания ведьм. Этого, несомненно, не желают даже ортодоксальные защитники веры в имперсонифицированный злой принцип; но они не замечают, что история действует более последовательно, чем они, и излечивает общие ошибки только тем, что заставляет долгие поколения извлекать из них последние последствия и страдать от их полного воздействия.

КОНЕЦ.

Сноски:

[1] Henricus Cornelius Agrippa ab Nettesheim: "De occulta Philosophia."-I., XIII.

[2] Henricus Cornelius Agrippa ab Nettesheim: "De occulta Philosophia."-I., XIII.

[3] *Ibidem*.

[4] Этот отрывок, направленный против правителя Ассирии, уже был истолкован ранними отцами как относящийся к сатане. Таким образом, Люцифер, что в переводе с латыни означает "Утренняя звезда", стал именем князя тьмы.

[5] Luke x. 18.

[6] "De Contemptu Mundi sive de Miseria Humanæ Conditionis", небольшая книга, написанная около 1200 года папой Иннокентием III.

[7] Слова Лютера, который, помимо своей дуалистической веры, был подлинным сыном того же Средневековья, хотя и разрушителем его самодержавной веры.

[8] Как таковые, тленные и нереальные, рассматриваются все злые вещи неизвестным автором в Средние века. В своем прекрасном опусе "Немецкая теология" он, в частности, говорит следующее: "Кто-то может спросить: "Поскольку мы должны любить все вещи, должны ли мы также любить грех?". Ответ: нет, ибо, говоря "всякую вещь", мы имеем в виду только то, что хорошо. Каждая вещь, которая существует, хороша в силу своего существования. Дьявол добр в той мере, в какой он существует. В этом смысле в существовании нет ничего дурного. Но желать, стремиться или любить что-либо иное, кроме Бога, - это грех. Итак, все вещи по сути своей находятся в Боге, причем более существенно в Боге, чем в самих себе; поэтому все они хороши в своей реальной сущности" - небольшое произведение, из которого приведена цитата, является выражением глубокой и благочестивой души, пытающейся овладеть дуализмом, сковывавшим его век. Примечательно, что Лютер не испытал более сильного влияния его духа, хотя он признается: "Рядом с Библией и святым Августином я не нашел ни одной книги, из которой я узнал бы больше".

[9] См. работу "Сумма теологии" (supplementum ad tertiam partem, quæst. 94) самого выдающегося и самого влиятельного из богословов Средневековья Фомы Аквинского. Там говорится следующее: "Ut beatitudo sanctorum eis magis complaceat et de ea uberiores gratias Deo agant, datur eis ut pœnam impiorum perfecte videant..... Beati, qui erunt in gloria, nullam compassionem ad damnatos habebunt.... Sancti de pœnis impiorum gaudebunt, considerando in eis divinæ justitiæ ordinem et suam liberationem de qua gaudebunt." - С этим можно сравнить следующее отвратительное излияние другого теолога: "Beati cœlites non tantum non cognatorum sed nec parentum sempiternis suppliciis ad ullam miserationem flectentur. Imo vero lætabuntur justi, cum viderint vindictam; manus lavabunt in sanguine peccatorum."

[10] Тертуллиан.

[11] Это отрицается в той мере, в какой речь идет о первоначальном учении Зороастра, но подтверждается отрывком из Аристотеля (Metaphys., I., XIV., с. 4).

[12] A. F. Ch. Vilmar: "Theologie der Thatsachen wider die Theologie der Rhetorik" (Marburg, 1857).

[13] Так, например, предполагалось, что красный блеск меди указывает на ее связь с Марсом, который светится красноватым светом.

[14] "Non baptisatis parvulis nemo promittat inter damnationem regnumque cœlorum quietis vel felicitatis cujuslibet atque ubilibet quasi medium locum; hoc enim eis etiam hæresis Pelagiana promisit" (Augustinus: De Anima et Ejus Origine, 1. I., с. IX). В одном из своих писем Августин заявляет, что даже если родители поспешат к священнику, а тот поспешит крестить ребенка, но найдет его мертвым до того, как он примет таинство, он все равно будет обречен на вечные муки с проклятыми и на хулу имени Божьего.

[15] Все это, в связи с крещением, встречается в языческих мистериях.

[16] Выдержка из формулы, данной на Римском соборе 1059 года Беренгару Турскому, в которой он был вынужден поклясться под страхом смерти.

[17] Облатка, заменявшая в двенадцатом веке хлеб, называлась хозяином.

[18] Открытие, сделанное в наши дни датским богословом Мартенсенсом, что пища, получаемая на Вечере Господней, предназначена не только для души, но и для тела, для питания нашего вознесенного тела, не совсем ново; язычника, посвященного в мистерии Митры, учили, что освященные хлеб и вино, будучи ассимилированы в его плоть и кровь, дают бессмертие его телесному существу. Подобные предпосылки порождают в разные времена подобные идеи.

Один из важных вопросов Средневековья, о котором с большим жаром спорили со времен Петра Ломбарда и до XVII века, звучит следующим образом: Причастилась ли таким образом крыса, съевшая хозяина, к телу Христа? В связи с этим далее был задан вопрос: как следует обращаться с крысой, съевшей тело Христа, - убивать ее или почитать? Должно ли таинство почитаться даже в желудке крысы? Если в желудке крысы окажется немного освященного хлеба, ли это долг - съесть его? Что делать, если сразу после принятия причастия на человека нападает рвота? Если крыса может съесть хозяина, то не может ли это сделать и дьявол? Одним из последних результатов этих важных исследований стала книга, опубликованная в Тюбингене в 1593 году под названием "*Mus exenteratus, hoc est tractatus valde magistralis super quæstione quadam theologica spinosa et multum subtili*" у м. д.

[19] В период политической реакции 1815 года, когда Шлегель и де Майстр превозносили Средние века как эпоху блаженства человека, а Гёррес стремился восстановить достоверность "государственного периода просвещения" всех забытых историй о привидениях и вампирах, духовенство Брюсселя отмечало процессиями и другими торжественными мероприятиями годовщину этого гонения на евреев в Намюре.

На синоде в 1099 году было издано постановление, запрещающее священникам вступать в какие-либо подневольные отношения с мирянами, поскольку позорно, если святейшие руки, готовящие плоть и кровь Всемогущего Бога, будут служить некрещеным мирянам. Знаменитый оратор Бурдалуэ требовал, чтобы священнику воздавалось большее почтение, чем Святой Деве, поскольку Бог воплотился в ее лоне лишь однажды, а в руках священника находился ежедневно, как только читалась месса.

[20] Древнейшее христианское искусство, в котором еще проявляется умирающий дух античности, изображало Иисуса в виде юноши-пастуха, несущего на груди ягненка. Многие с грустью отворачивались от сияющего мира Олимпа к новому христианскому идеалу, а когда им приходилось это делать, они с радостью переносили на новую "искупительницу" кроткую красоту прежнего юного посредника, Диониса Загрея. В дошедших до нас гимнах Синезия, соединившего в одном лице епископа и грека, все еще жаждущего мудрости и красоты (несомненно, известного многим нашим читателям по роману Кингсли о Гипатии), эта печаль удивительно гармонирует с христианской набожностью. С гибелью античного мира эта тоска, равно как и возможность ее удовлетворения, исчезли. После этого материальный символ занял более заметное место. Если финикийцы и ханаанеи представляли своего бога телесно в виде мощного быка, то христиане выбрали в качестве образца терпеливого и безропотного агнца. Константинопольский собор 692 года н. э. подтвердил этот символ ягненка. Как Аарон сделал золотого тельца, папа Сергей III заказал изготовление агнца из золота и слоновой кости. Всех, кто восставал против его поклонения, считали беспорядочными и еретиками. Во времена Карла Великого один из них, епископ Клавдий Туринский, от которого ведут свое происхождение вальденсы, жаловался: "*Isti perversorum dogmatum auctores agnos vivos volunt vorare et in pariete pictos adorare*".

[21] Папа Урбан Витус подарил *агнус деи* византийскому императору. В сопроводительной записке его чудесные свойства описывались следующими монашеско-латинскими гекзаметрами:...

*Balsamus et munda cera cum chrismatis unda
Conficiunt agnum, quod munus do tibi magnum
Fonte velut natum per mystica sanctificatum.
Fulgura desursum depellit, et omne malignum
Peccatum frangit, ut Christi sanguis et angit.
Prægnans servatur, simul et partus liberatur.
Dona refert dignis, virtutem destruit ignis.
Portatus munde de fluctibus eripit undæ".*

[22] В 1784 году Карл Теодор, курфюрст Пфальца, издал указ, в котором упоминалась магическая сила мощей святого Губерта и запрещалось использовать "мирские" средства против укусов бешеных собак.

[23] В 1240 году в Люттихе был проведен большой молебен о дожде. Трижды повторенный, он не дал никакого результата, "потому что в мольбах всех святых была забыта Божья Матерь".

Поэтому во время новой процессии запели "*Salve regina*", и дождь тут же хлынул с такой силой, что благочестивая процессия рассеялась. - Духовенство иногда, чтобы вызвать дождь, вело осла перед воротами церкви, вешало ему на шею литанию, клало в рот облатку, а затем закапывало животное заживо.

[24] Церковь Средневековья была особенно богата ужасными формулами проклятий, свидетельствующими о безмерном огрублении мысли и чувства. Одного примера из этих формул будет более чем достаточно, чтобы проиллюстрировать: - "Могуществом, силой, властью".

"Могуществом, силой и властью Бога, всемогущего Отца, Сына и Святого Духа и во имя Пресвятой Девы, матери Господа нашего Иисуса Христа, святыми ангелами, архангелами, святым Михаилом и святым Иоанном Крестителем, во имя святого апостола Петра и всех апостолов, во имя святого Стефана и всех святых мучеников, и св. Адельгунды и всех святых дев, и всех святых на небе и на земле, которым дана власть связывать и развязывать, - мы проклинаям, презираем и исключаем из Матери-Церкви узами проклятия (далее следуют имена лиц). Да осиротеют их дети; да будут они прокляты на поле, прокляты в городе, в лесу, в домах и амбарах, в палате и постели, в ратуше, в деревне, на суше и на море; да будут они прокляты в церкви, на церковном дворе, в зале суда, на площади и на войне; говорят ли они, спят ли, бодрствуют ли, едят ли, пьют ли, идут ли, отдыхают ли, или делают что-либо другое, да будут они прокляты душой и телом, разумом и всеми чувствами своими: проклято будет потомство их, проклят плод земли их, прокляты все конечности их, голова, нос, рот, зубы, горло, глаза и ресницы, мозг, гортань, язык, грудь, легкие, печень, ноги и руки, кожа и волосы; проклято будет все живое и движущееся в них от головы до ног и т. д. Заклинаю тебя, Люцифер, и всю твою команду Отцом, Сыном и Святым Духом, воплощением и рождением Христа; заклинаю тебя силой и добродетелью всех святых, чтобы ты никогда не оставлял их в покое, ни ночью, ни днем, пока не доведешь их до гибели, не уничтожишь их водой, не приведешь их на виселицу, не заставишь их быть растерзанными дикими зверями, или перерезать им горло врагами, или уничтожить их тела огнем" и т. д., и т. п.

[25] Библейское основание для испытаний было найдено в Числах, ст. 12-28.

[26] "Молот ведьм" будет более подробно описан далее. Изучающий историю не должен пренебрегать этим томом, который является самым зрелым плодом католического дуализма и ясно показывает результаты, к которым он стремится.

[27] "Gott in der Geschichte", III.

[28] Еще во времена Эразма Роттердамского богословы много шумели над этой запутанной проблемой.

[29] Это признание делает Корнелий Агриппа в своей "Оккультной философии". Теофраст Парацельс и другие были менее скромны.

[30] Так рассуждал еще в середине XVI века Боррихиус (Олаф Борх), профессор химии в Копенгагенском университете, написавший книгу о мудрости египетского Гермеса.

[31] Агриппа: "De Occulta Philosophia", 1. I., с. 24.

[32] Мы нашли в "*Magia Divina*" следующие указания по осуществлению *perpetuum mobile naturæ*, эффективность которых мы оставляем на усмотрение читателя.

"В течение двенадцати ночей после Рождества с фруктовых деревьев собирают 1½ меры росы и хранят в закрытом виде. В марте месяце роса снова собирается с фруктовых деревьев и лугов и сохраняется в другом флаконе. Росу, собранную в мае, переливают в третью, а дождь во время грозы летом - в четвертую. Затем содержимое всех четырех склянок смешивается, и одна мера переливается в большую прозрачную стеклянную реторту, где, хорошо закрытая, она должна оставаться месяц, пока не помутнеет. Затем ее ставят на огонь и подвергают нагреванию до второй степени. После достаточной перегонки остается густая, как мед, субстанция. В этот остаток всыпают четыре зерна астральной настойки. Смесь подвергается нагреву первой степени, в результате чего она превращается в густой, струйчато-черный комок, который снова растворяется, образуя внизу жидкость, похожую на чернила, а сверху - пар, в котором видны многочисленные цвета и фигуры. Вскоре они исчезают, и все превращается в воду, которая начинает зеленеть, и появляются зеленые дворцы, постоянно увеличивающиеся, горы и прекрасные пастбища, в то время как воды становятся все меньше и меньше. Когда вы обнаружите, что роса больше не поднимается с земли внутри стакана, возьмите воду, которую вы получили в результате дистилляции, смешайте с ней драхму астральной настойки и влейте унцию этой смеси в стеклянную колбу. Тогда все снова начнет жить и расти. Добавляйте каждый месяц по унции этой смеси. Если стеклянный шар хорошо закрыть и не перемешивать, то постепенно образуется пар, который сгущается в две сияющие звезды, подобные солнцу и луне, и, подобно последней, одна из этих звезд то разгорается, то гаснет; и все явления природы, гром, молния, град, дождь, снег и роса, будут проявляться в вашем стеклянном шаре, как в окружающем вас реальном мире. Все это произойдет, если вы будете держать великого Творца перед глазами и в сердце своем и если вы утаите от злого мира эту великую тайну".

Из второй части "Фауста" Гете читатель может помнить доктора Вагнера, бывшего фаустовского *фамула*, занятого в алхимической печи приготовлением *гомункулуса*, искусственного человека. Та же "*Божественная магия*", из которой мы цитировали предыдущие указания, позволяет нам также проследить секрет ученого Вагнера: искусство производства "философских гомункулусов". В реторту из самого красивого хрустального стекла наливают одну меру чистейшей майской росы, собранной при полумесяце, и две меры крови юноши или три меры крови девушки. И юноша, и девушка должны быть здоровы и, "если возможно", целомудренны. Когда эта смесь бродит в течение месяца и превращается в красноватую глину, *менструацию*, которая образуется сверху, отсасывают с помощью трубок, герметично прикрепленных к реторте, собирают в чистый стеклянный сосуд, смешивают с одной драхмой животной настойки, и смесь снова выливают в реторту, где ее держат в течение месяца в мягком тепле. После этого образуется нечто вроде мочевого пузыря, который вскоре постепенно покрывается органической сетью из маленьких жилок и нервов. Если каждую четвертую неделю спринцеваться *менструацией*, о которой говорилось выше, то мочевой пузырь растет в течение четырех месяцев. Когда теперь вы заметите в стакане писк и движения жизненной силы, загляните в него и к своей радости и изумлению обнаружите красивейшую пару, мальчика и девочку, на которых можно смотреть с искренним восхищением этим прекрасным произведением природы, хотя их рост составляет всего шесть дюймов. Они двигаются и ходят по стеклу, посреди которого растет дерево со всевозможными приятными плодами. Если теперь каждый месяц наливать в реторту по два зерна животной настойки, то можно поддерживать их жизнь целых шесть лет. В годовалом возрасте они могут поведать вам многие тайны природы. Они благосклонны к вам и слушаются вас во всем. Но в конце шестого года вы обнаружите, что эта прекрасная пара, которая до сих пор питалась всеми видами плодов, кроме тех, что росли на дереве, выросшем посреди реторты, теперь начинает питаться и его плодами. Затем в реторте появляется пар, который становится все плотнее, приобретает кроваво-красный цвет и

испускает вспышки. Оба *гомункула* в ужасе пытаются спрятаться. Наконец все вокруг них пересыхает, они умирают, и все превращается в дымящуюся массу. Если стекло не очень большое и прочное, оно взрывается, нанося огромный ущерб.

[33] У каждой планеты среди двенадцати знаков Зодиака был свой дом, и она была особенно благоприятна, когда находилась в любой из этих обителей. В следующей таблице приведен порядок: -

Сатурн	обитает	в	Козероге.
Юпитер	"	"	Рыбы и Стрелец.
Марс	"	"	Овен и Скорпион.
Солнце	"	"	Лев.
Венера	"	"	Телец и Урса Мажор.
Меркурий	"	"	Дева и Близнецы.
Луна	"	"	Рак.

Каждый из двенадцати знаков (тридцать градусов по дуге небес) делился на три "лица" (десять градусов). Положение планеты было наиболее благоприятным, если она находилась в первой грани дома; если же в третьей, то ее благоприятное влияние было сомнительным.

Как видно из первой таблицы, приведенной выше, знаки Зодиака должны были поддерживать связь со стихиями и темпераментами. Овен, Лев и Стрелец были теплыми, сухими, огненными и холерическими. Марс, входящий в эти знаки - за исключением Овна, который был его собственным домом и в котором он был благоприятен, - должен был предвещать сквозняки, пожары и моровую язву. Тельцы, Девы и Козероги были холодными, сухими, земными, меланхолическими. Сатурн во втором знаке Тельца, следовательно, может предвещать суровую зиму. Знаки Рака, Скорпиона и Рыб были холодными, влажными, водянистыми и сангвиническими. Власть зодиакальных созвездий над человеческим телом распределялась следующим образом: Овен управлял головой и лицом, Телец - шеей и горлом, Близнецы - плечами, руками и кистями, Рак - грудью, ребрами, легкими и селезенкой, Лев - верхней частью желудка, спиной и боками, Дева - нижней частью желудка и кишечником, Скорпион - генеративными органами, Стрелец - анусом, Козерог - коленями, Водолей - бедрами, Рыбы - ступнями. Планеты оказывали такое же влияние, как и их дома, и все элементарные вещи, подчиненные той или иной планете, считались, при благоприятных аспектах, прекрасными средствами для лечения болезней конечностей, которыми управляет эта планета. Ряд аналогий, пример которых мы приводили выше, был, таким образом, неисчерпаемой добычей даже для врачей Средневековья. Так, например, поскольку Козерог, управляющий коленями, является домом Сатурна, а с этой планетой связаны все ползающие животные, жир змей является эффективным средством против подагры в коленях, особенно в субботу, день Сатурна.

[34] Дни еще носят на многих языках названия планет, которые в седой древности были присвоены им астрологией.

Воскресенье, *dies Solis*, - день Солнца.
Понедельник, *dies Lunæ*, - день Луны.
Вторник, *dies Martis*, - день Марса, *то есть* Тива.
Среда, *dies Mercurii*, - день Меркурия.
Четверг, *dies Jovis*, - день Юпитера, *то есть* Тора.

Пятница, dies Veneris, - день Венеры, *то есть* Фрейи.

Суббота, dies Saturni, - день Сатурна.

Первоначальные названия, по-видимому, были введены римлянами в поздний период республики. О том, что идея заимствована из Египта, свидетельствует отрывок из Диона Кассия [I. XLIII., с. 26; ср. E. Roth, "Geschichte unserer abendländischer Philosophie", I., pag. 211]. Вопрос о том, когда и как они были введены нашими предками, возможно, навсегда останется лишь предметом предположений. Вызывает удивление тот факт, что порядок, в котором дни были названы в честь планет, хотя и одинаковый у всех народов, не совпадает с порядком, в котором они должны были располагаться во Вселенной (Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий и Луна). Эта загадка разрешается в упомянутом отрывке из Диона Кассия таким образом, что астрологическое происхождение этой номенклатуры должно быть несомненным. Он повествует о том, что египтяне посвящали каждый из двадцати четырех часов определенной планете. Первый час первого дня недели (субботы) был отдан самой верхней планете, Сатурну, второй - Юпитеру, третий - Марсу и так далее, в соответствии с порядком планет. 24-й час субботы, следовательно, также выпал на Марс, а первый час следующего дня - на Солнце, по которому этот день и был назван воскресеньем. 24-й час воскресенья приходится, согласно тому же расчету, на Меркурий, а первый час понедельника - на Луну; и так далее. Астрологическое распределение часов между планетами в соответствии с их последовательным порядком на небе, таким образом, объясняет кажущийся беспорядок, возникающий в неделе. В магических трудах Корнелия Агриппы, Петра де Альбано и других, которыми пользовался автор, можно найти таблицы, касающиеся распределения часов. Эти авторы собирали со всех сторон, и не в последнюю очередь у Птолемея и александрийцев, материалы для своего магического аппарата.

[35] Рецепты этих духов содержатся в "Оккультной философии" Корнелия Агриппы, т. I, с. 44.

[36] Они содержатся в "Occulta Philosophia" Агриппы, I. III. сс. 25, 26, 27, 28.

[37] Много страниц можно было бы заполнить тонкими рассуждениями о слове *Берешит*, первом слове в Ветхом Завете. То, что чувственный мир является лишь вторичным миром, рефлексом идеального мира, кабалисты доказали, показав, что Священное Писание начинается не с первой, а со второй буквы Алфавита, а именно $\aleph$ (b), которая по своей форме представляет собой половину квадрата [встречающегося в числе мира], и поэтому означает завершенное разделение между духом и материей, между добром и злом. Путем перестановки букв в *Берешит*, в соответствии с методом Кабалы, получаются еще два слова, которые означают "в первый Тишри", показывая, что мир был сотворен в месяце Тишри (сентябрь). Сумма числовых значений букв в слове *Берешит* равна сумме числовых значений букв в двух словах, которые означают "Он создал по закону", - доказательство того, что закон является инструментальной причиной возникновения мира. Кроме того, *Берешит* можно разделить на два слова, означающих "Он создал шесть" (шесть дней, шесть тысячелетий, шесть расширений вселенского пространства и т. д.); или "Он создал барана", который, согласно еврейским кабалистам, был тем же бараном, что был принесен в жертву вместо Исаака, а христиане добавляют, что это тот же "Агнец Божий", который принес себя в жертву за человека.

[38] Таблица, из которой автор развлекался, извлекая, согласно правилам, это имя, находится в "Occulta Philosophia", I. III. с. 26.

[39] Книга Агриппы дает тонкие правила для нахождения "знаков" или подписей демонов - читатель должен помнить, какую роль играют "знаки" микрокосмоса и духа земли в "Фаусте" Гете.

[40] Поскольку они (новообращенные англосаксы) привыкли резать много быков и лошадей на своих праздниках в честь дьяволов (их древних богов), необходимо позволить этому обычаю сохраниться, но на основе другого принципа. Таким образом, в дни праздников Церкви и святых мучеников, чьи мощи хранятся в церквях, построенных в языческих жертвенных рощах, также должен совершаться совершенно аналогичный праздник, с ограждением места зелеными деревьями и приготовлением религиозного пира. Но животные не должны приноситься в жертву в честь сатаны, а закалываться для прославления Бога и ради пищи, за которую следует благодарить Дарителя всех благ.

[41] *"Creberrima fama est multique se expertos vel ab eis qui experti essent, de quorum fide dubitandum non est, audisse confirmant, silvanos et faunos, quos incubos vocant, improbos sæpe exstitisse mulieribus et earum appetisse ac peregissee concubitum, et quosdam dæmones, quos Dusios Galli nuncupant, hanc assidue immunditiam et tentare et efficere plures talesque asseverant, ut hoc negare impudentiæ videatur."* (De civitate Dei. lib. 15, cap. 23).

[42] "Recognitiones divi Clementis ad Jacob", lib. II.

[43] Это мнение выражено уже в книге Хеноха и в трудах раввинов. Подобно им, даже отцы толковали упомянутых в Бытие "Сынов Божьих", которые "были очарованы дочерьми человеческими", как падших ангелов. Так, Кирилл, Анфинагор, Иреней, Лактанций, Тертуллиан и другие. Мы только что привели цитату из Августина. Греческая мифология с ее любовными связями между богами и людьми была обречена на поддержку этого суеверия. Лютер, который не мог освободиться от суеверия своего времени, часто говорит нам в своих "Tischreden", что дьявол может порождать детей через связь с людьми. "Es ist wahrlich ein graulich, schrecklich Exempel", - говорит он в одном месте, - "dass der Teufel kann die Leute plagen, dass er auch kinder zeuget."

[44] Reginonis libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis. Работа была переиздана в Лейпциге в 1840 году.

[45] "Gott in der Geschichte", III.

[46] В оригинальной форме она содержится в "Demonomachie" Хорста, II.

[47] Многие этимологии как глубокие встречаются в "Молоте ведьм". Слово *diabolus* (дьявол) происходит от *duo*, "два", и *bolus*, "морс", что объясняется тем, что дьявол ловит рыбу одновременно за двумя морсами, душой и телом.

[48] Это умозаключение, изобилующее непристойностями, с которыми невозможно справиться, занимает тридцать три страницы "Молота ведьм". Он притворяется очень убедительным. Оно также отправляло женщин сотнями тысяч на смерть.

[49] Чтобы дать читателю более четкое представление о поистине дьявольской слепоте и жестокости, которыми характеризуется ужасная книга, о которой мы рассказываем, мы приводим следующее высказывание из "Молота ведьм", стр. 223: "Мы (инквизиторы Шпренгер и его коллеги) обнаружили, что из всех женщин, которых мы приговорили к огню, очень немногие добровольно причинили себе вред колдовством. Как правило, их принуждал к этому дьявол. После признания во всем (на дыбе) они обычно пытаются покончить с собой, прежде чем их поведут на костер. Это дьявол искушает их, так как боится, что через покаяние и исповедь они получат помилование от Бога. Если же эта хитрая уловка не удастся и им не дадут покончить с собой, он знает, как лишить их шанса на благодать другим способом, а именно: поразив их яростью, безумием или внезапной смертью!" - вот пример того, как

можно использовать теологические аргументы, основанные на превосходстве природных воздействий!

[50] Horst: "Demonomachie", I.

[51] Colquhoun.

[52] Μῦθα Μανδραγόρου (на иврите *dudaim*) - в Септуагинте название яблок любви, которыми Лия осыпала своего мужа (Быт. xxx. 14). Плиний говорит о мандрагоре как о ядовитой траве, опасной для копания; теперь уже Колумелла знает мандрагору как получеловеческое существо - "*semihomo mandragoras*".

[53] Man sagt: wenn ein Erbdieb, dem, wie den Ziguenern das Stehlen angeboren ist, oder dessen Mutter, als sie mit ihm schwanger ging, gestohlen, oder doch gross Gelüsten dazu gehabt-nach Einigen; auch ein Unschuldiger, welcher in der Tortur sich für einen Dieb bekennt-und der ein reiner Junggeselle ist, gehängt wird, und das Wasser lässt, oder sein Same auf die Erde fällt, so wächst an solchem Ort der Alraun.- "Nork: Sitten und Gebräuche der Deutschen und ihrer Nachbarvölker."

[54] Так считают Проперций и Плиний. Вергилий (эклог. VIII.) заставляет пастуха петь:

Has herbas, atque hæc Ponto mihi lecta venena,
Ipse dedit Mæris: nascuntur plurima Ponto.
His ego sæpe lupum fieri, et se condere selvis
Mærim ... vidi.

[55] Меланктон, твердо веривший в существование волка-оборотня, рассуждал аналогичным образом.

[56] В 1804 году бродяга по имени Марешаль был обвинен крестьянами Лонгвиля как колдун и оборотень. На суде таинственные похождения оборотня были объяснены воровскими блужданиями, и Марешаля осудили за кражу со взломом на галеры.

[57] Во время реставрации 1815 года, когда все мертвые восстали из своих могил, знаменитый фон Гёррес попытался возродить веру в вампиризм. Он написал по этому поводу труд, отличающийся огромной ученостью, где пространно рассуждает о "вегетативных" источниках тела, которые, по его утверждению, продолжают свою деятельность после смерти и таким образом позволяют душе умершего вновь занять и на некоторое время запустить свой старый механизм.

[58] Некоторые из популярных форм колдовства написаны на латыни, хотя и испорчены почти до неузнаваемости. Можно привести несколько восстановленных примеров. Вот формула против кровавого потока:

Sanguis mane in venis
Sicut Christus in pœnis,
Sanguis mane fixus
Sicut Christus fuit crucifixus.

Против лихорадки:

Deus vos solvet sambuco, panem et sal ego vobis adduco, febrem tertianam et quotidianam accipite vos, qui nolo eam.

Против эпилепсии:

Мельхиор, Бальтасер, портной с именем Каспар,
Solvitur e morbo Domini pietate caduco.
Perpetret et ternas defunctis psallere missas.
Барухун. Барахагим. Destrue. Subalgat.

[59] Сравните Вергилий, Ecl. VIII:

Terna tibi hæc primum triplici diversa colore
Licia circumdo....
Necte tribus nodis ternos, Amarylli, colores:
Necte, Amarylli, modo: et Veneris, dic, vincula necto.

[60] Сравните ту же эклогу:

Limus ut hic durescit, et hæc ut cera liquescit
Uno eodemque igni: sic nostro Daphnis amore.

[61] Фауст-легенда, созданная во времена Реформации, сначала хотела использовать одного из героев ученой магии, Генриха Корнелия Агриппу, в качестве своего главного персонажа; но биография его, опубликованная его учеником Виерусом, развеяла фантастический ореол, окутывающий его личность, творческое желание искало более туманный объект, который оно могло бы преобразовать в соответствии со своими причудливыми фантазиями.